

СОЛДАТЫ
ПОБЕДЫ

**ВАСИЛИЙ
ПЕСКОВ**

**ВОЙНА
И ЛЮДИ**

Василий Михайлович Песков
Война и люди
Серия «Солдаты Победы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373383
Война и люди. / Песков В.М.: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-6994-1146-7

Аннотация

Сорок лет назад публикация Василия Пескова о маршале Жукове в «Комсомольской правде» стала настоящим событием. Газету передавали из рук в руки, читали вслух, беседу перепечатали зарубежные издания. По словам журналиста, его сверхзадачей было обстоятельно представить людям человека, несправедливо и незаслуженно попавшего в опалу власти, но и, конечно, хотелось узнать, что думает Жуков о минувшей страшной войне. Тогда Георгий Константинович получил тысячи писем. Это было подтверждением: народ его помнит, любит, понимает его огромную роль в войне, гордится им.

В этой книге известного писателя и журналиста, лауреата Ленинской премии война открывается читателю с разных сторон: из Ставки Верховного Главнокомандующего и из окопа. Его герои – от маршала до солдата Великой Отечественной – люди поразительных судеб и великого мужества. Это маршалы Жуков и Василевский, писатель Константин Симонов, летчик-герой Михаил Девятаев, организовавший побег из фашистского концлагеря, угнав с секретной базы самолет, фронтовые разведчики и рядовые... Пронзительны по своей драматичности и откровенности письма девятнадцатилетнего сержанта Павленко. Волнующе и просто рассказывает автор о том, что значила война для людей его поколения, чье отрочество пришлось на военные годы.

Содержание

Я помню...	4
Брестская крепость	11
Народный маршал	14
О нашей победе	16
Мгновения судьбы	24
Легендарное имя – Жуков	27
Рядом с полководцем	34
Ельня	40
Соловьевская переправа	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Василий Михайлович Песков

Война и люди

Я помню...

Обычный коробок спичек. Я нашел его неожиданно, отодвинув ящик стола. Стол этот в отцовском доме забыли. Когда переехали жить на станцию из села, старый стол поставили в угол чулана. Там он, крытый тряпьем, связками старых журналов и всякой всячиной, отслужившей свой век, простоял много лет. Копаясь в тронутым червоточиной выдвижном ящике, я обнаружил жестянку похожих на гвоздики патефонных иголок, обнаружил значок с надписью «Ворошиловский стрелок», футляр отцовских карманных часов. В столе лежали пакет порошка «от желудка», картонный елочный заяц, изношенный рубль довоенного образца, самодельное шило, моточек пропитанной варом дратвы... И этот коробок спичек.

Обычный коробок. Обычный, да не совсем! На желтой морщинистой этикетке, в том месте, где бывает рисунок, наискосок стояли три строчки, очень знакомые строчки:

Наше дело правое!
Враг будет разбит!
Победа будет за нами!

Спички 41-го года! Я достал одну из коробки. Зажжется? Зажглась.

И вот уже все в доме – отец, мать, сестра – разглядывают находку. Всем интересно. Но только мама может припомнить... Я гляжу на нее: неужели не вспомнит? Вспомнила!

– Это ж с той осени...

Не ждите рассказа о пущенном под откос поезде, партизанском костре или даже о перекуре во фронтовом блиндаже. Спичками из коробка не поджигали бикфордов шнур, и вообще ничего из ряда вон выходящего не стоит за находкой в столе.

Той осенью по дороге из Воронежа на Тамбов через наше село Орлово двигалась большая пехотная часть. Вспоминая сейчас бесконечную серую ленту людей, идущих под осенним дождем, невольно ежусь от холода. Грязь, непролазная черноземная хлябь, и по ней гуськом, заткнув за пояс полы мокрых шинелей, движутся люди. Усталые. Молчаливые. Куда? Почему? Мальчишкам заботы и горе взрослых понятны не в полную меру. Мы бежали на большак менять на морковку и лежалые груши пилотки, ремни, звездочки, пряжки и были довольны, что в школу ходить не надо – в ней разместили больных солдат.

Не помню уж, сколько дней двигалось войско. Но только поздняя слякоть сменилась вдруг зимним морозом. Помню стук в окна: «Хозяйка, пустите хоть в сенцы». – «Все занято, идите дальше!» – отвечал вместо матери пожилой лейтенант. И он говорил правду. В избе и в сенцах на соломе вповалку один к одному лежали люди. Плакала на руках у матери маленькая сестренка. Нечем было дышать от взопревших у печки мокрых портянок, шинелей и гимнастерок. Но уморенные люди были рады теплу и месту. Все спали.

Голод тоже был спутником отходившего войска. Помню, как перед сном солдаты делили на столе аккуратно порезанный хлеб. «Кому?» – кричал веснушчатый младший сержант. Солдат, отвернувшийся к стенке, быстро ему отвечал: «Сухову... Тимофееву...»

Утром мать намыла чугуна картошки и чугуна свеклы – покормить постояльцев, и послала меня добыть огоньку. Это было простое дело: выходишь на улицу, смотришь, из чьей трубы идет дым, – туда и бежишь с железной баночкой за углями.

– Ты это куда? – спросил лейтенант, увидев меня на крыльце.

Я объяснил. Лейтенант полез в кирзовую сумку и достал спички:

– На, отдай матери.

(До сих пор сохранился на коричневом ребрышке коробка след от спички, которой в то утро была растоплена печь.)

Чугун картошки и свеклы солдаты опорожнили в один момент. Мать стояла у печки и говорила: «Ешьте, ешьте, я еще сварю, ешьте...»

Коробок спичек с той осени сохранился, конечно, случайно. Его положили в укромное место как некую непозволительную роскошь, как драгоценный запас огня на какой-нибудь случай. И вот мы держим его в руках. Тридцать четыре года... Все мы взволнованы. После очередной передачи о приключениях в Берлине Исаева – Штирлица мы собрались на кухне около печки, но в этот раз не о Штирлице разговор. С удивлением и большой радостью наблюдаю, как много может всколыхнуть в памяти маленькая реликвия. Отец вспоминает. Сестра.

Мама говорит так, что я жалею: нет магнитофона записать все, что она говорит. И мне тоже есть что припомнить.

Много сказано о войне. Но, может быть, любопытно услышать, что помнит о ней человек, бывший всего лишь подростком...

Запомнилось окончание и начало войны. Но так же хорошо помню уход отца на войну и возвращение его. Уходил он вместе с односельчанами в жаркий день августа. Километров пять я шел, держась за руку отца, в гуще людей. Помню, отец сказал: «А теперь возвращайся». Он достал из мешка кусок сахара: «Возвращайся. И помогай матери».

Оглядываясь, я видел, как отец скорым шагом догонял пыливших по дороге дядю Семена, дядю Егора, дядю Сергея, дядю Тараса...

Возвращался отец тоже летом. С проезжавшей мимо полуторки кто-то радостно крикнул: «Встречай батьку!» Я побежал к станции и в поле встретил сильно, как мне показалось тогда, постаревшего отца. На груди у него позванивали медали. За плечами – мешок. В одной руке – старенький чемодан, а в другой – патефон.

На нашей улице, увидев отца, многие бабы заплакали. Я понимал, что это значит, – уходившие вместе с отцом на войну дядя Семен, дядя Егор, дядя Сергей и дядя Тарас не вернулись.

Из гостинцев, какие отец разложил на столе, мне больше всего понравились цветные болгарские карандаши с надписью на коробке «Моливчета» и болгарский же кустарной работы патефон – фанерный ящик, обтянутый бумагой, напоминавшей обои.

Я побежал в сельскую лавку купить пластинки. Их не было там. Но продавщица, увидев мое отчаяние, порылась на полках и одну разыскала. «Моцарт. Турецкий марш», – прочел я название музыки. На другой стороне тоже был марш, но Бетховена... До позднего вечера в нашей избе гремели два эти марша. Мы с сестрой точили на брусочке патефонные иглы, снова и снова крутили пластинку...

Года два назад на концерте, услышав объявление ведущего: «Моцарт. Турецкий марш», я вздрогнул. Для меня не просто музыкой был этот марш.

Близко войну я не видел. Но она была рядом. Летом и осенью 42-го года горел занятый немцами Воронеж. Фронт был всего в двадцати километрах. Днем над «тем местом» стояла черная пелена дыма, а ночью небо становилось багровым. Было видно, как взлетают ракеты, как повисают и медленно опускаются вниз какие-то необычные яркие огни, были видны красные, желтые и зеленые трассы пуль. Мы с другом стелили постель на пологой крыше сарая и не со страхом, а с любопытством наблюдали за этим огненным небом.

Над селом к фронту помногу раз в день низко пролетали штурмовики – тройками, самолетов двенадцать-пятнадцать. Спустя полчаса тем же путем низко, прямо над крышами, они возвращались назад. Иногда их было уже не двенадцать, а девять-десять...

Воздушные бои истребителей. Взрывы случайных бомб. (Осколок одной, упавшей за огородами, врезался в нашу дверь.) Массированные бомбежки железной дороги (от села в пяти километрах), передвижение танков, автомобилей с пушками на прицепе, скопление войск в заповедном лесу – такой была полоса возле фронта. Вспоминая то лето и осень, дивлюсь отсутствию у людей страха. В первые дни войны, когда фронт был у Минска, было куда спокойнее. Люди вязали узлы, заклеивали окна бумажными полосами, ночью маскировали каждую щель в окнах. Теперь же война была почти у порога, и жизнь тем не менее протекала своим чередом – каждое утро пастух Петька Кривой гнал пасти коз, и председатель колхоза Митрофан Иванович сам обходил избы: «Бабы, нынче на молотилку!»

Есть такое понятие: «обстрелянный солдат» и «необстрелянный». Если эти слова понимать шире, то в 42-м году все люди, вся страна, солдаты и женщины, дети и старики, были «обстрелянными». Все так или иначе участвовали в войне, понимали, что скоро она кончится, что дело очень серьезно и жаловаться на трудности некому. Мать находила все же слова нас подбодрить: «Мы-то в тепле. А как там отец...»

Глядя сейчас на карту, вспоминаю: географию начинал изучать не в школе и не по книжкам. Большая страна узнавалась по сданным и отбитым потом у врага городам. Минск, Смоленск, Киев, Севастополь... В ту осень, когда горел Воронеж, я узнал, что где-то совсем недалеко есть Сталинград. Не помню, чтобы кто-нибудь на нашей улице получал газеты, радио тоже не было. И только в разговорах этот город упоминался все чаще и чаще. С легким ранением, но совершенно седой, в село мимоходом из госпиталя забежал наш дальний родственник. Он получил ранение под Сталинградом и возвращался опять туда. Помню его слова: «Там ад».

В письмах отца раза два поминалась Волга, и мы догадывались: он тоже там. Мать, зажигая по субботам лампадку, молилась. Мои представления о боге в то время были неясными. На всякий случай мысленно я тоже просил рисованного Спасителя, строго глядевшего из-за лампы, не забыть про отца.

В церкви в нашем селе была пекарня. Отсюда машинами доставляли хлеб фронту. Из колодца у речки Усманки два усатых солдата в больших деревянных чанах возили в пекарню воду. Мы, ребятишки, помогали солдатам управляться с ручным насосом и получали за это в день полбуханки пахучего теплого хлеба.

От солдат-водовозов я впервые услышал, что, возможно, всем, кто живет в селе, придется эвакуироваться. И этот слух подтвердился. 1 сентября не открылась школа. А позже село в какие-нибудь две недели опустело. До этого у нас жили беженцы из Воронежа и Смоленска. Теперь сами мы испытали, как тяжело расставаться с домом. Выселяли нас, правда, всего лишь в соседнее село. Но день, когда клещами закрутили проволоку на дверном запоре, был для меня самым тяжелым за всю войну.

Нам дали лошадь. Помню возок со скарбом. Наверху сидят сестры (старшей – девять годов, младшей – три). Мама с братишкой на руках пытается втиснуть в поклажу оцинкованный тазик и решето. Сзади к телеге привязали козу. Старшему сыну надо было править этим возком.

Местом нашего назначения было село «Паркоммуна» (официально – «Парижская коммуна», а совсем просто – «Парижа».) С благодарностью вспоминаю хозяйку избы тетю Катю (стыдно, забыл фамилию), приютившую нашу орду. Всем нам – хозяйке с семьей и ее постояльцам – в одной-единственной комнате было тесно. Спали на печке и рядом на полу. Полыню глушили блох. По субботам топили баню. Из одного большого чугуна ели толченую

картошку, запивая ее чуть подсоленным квасом. И ждали писем. Ах, как ждали в те годы писем!

Тетя Катя получала их аккуратно. Вслед за поклонами: «А еще привет куме Даше...», «А еще привет куме Вере» было и к нам участие: «А еще привет «выкуированным». Живите дружнее». Одно из радостных воспоминаний о тех временах: жили, и правда, сердечно, сплоченно, помогали друг другу, делились всем, чем могли.

О доме, однако, я думал все время. От «Паркоммуны» до родного села было всего восемь верст. И, конечно, трудно было не соблазниться глянуть: а что там сейчас, зимой?

Придя в село, я поразился тишине и безлюдью. Почти во всех домах были заложены окна, в кирпичных стенах низко, у самой земли, пробиты бойницы, от дома к дому прорыты траншеи. Теперь хорошо понимаешь: в селе была подготовлена линия обороны на случай, если бы фронт у Воронежа не устоял.

Хотелось взглянуть на наш домишко. Но я не дошел до него. Из хаты на большаке вышел военный: куда это мальчик идет и откуда? Выслушав меня, немолодой уже капитан (таджик или узбек) задумчиво похлопал рукавицей об рукавицу и поманил за собой в дом. Сидевшему возле печки солдату он что-то сказал. Тот поставил на стол котелок щей, нарезал большими ломтями хлеб. Пока я ел, капитан молча разглядывал мою шапку и варежки, потом полез в стоявший на лавке мешок, достал из него завернутый в бумажку желтоватый мягкий комочек какой-то еды и протянул мне: «Это понравится. Ешь». То была сушеная дыня. Второй раз это лакомство я попробовал двадцать два года спустя в Самарканде, и, конечно, сразу же вспомнил доброго капитана. Капитан сказал мне тогда зимой: «Ходить в село пока запрещается. Возвращайся. Матери можешь сказать: скоро домой!»

Теперь я думаю, капитан говорил со мной так потому, что знал хорошие новости. Новости эти шли из Сталинграда. Капитану уже было известно, «кто там кого», и он поделился с мальчишкой радостью.

Назад, в «Паркоммуну», по снежной дороге я не шел, а летел. И хотя новость моя – «скоро домой!» – была туманна и непонятна, мама сразу же побежала во двор, где тетя Катя колола дрова. Потом вдвоем они пошли к соседке. Потом мама побежала на другой конец села к тете Поле, жившей рядом с нами в Орлове. А дней через десять утром кто-то нетерпеливо постучал к нам в окно: «Немца выбили из Воронежа!» В тот же час мы с матерью нагрузили салазки дровами – и скорее, скорее в Орлово!

Наш домишко для обороны не приглянулся, все уцелело в нем. Мы протопили печку. И к вечеру на тех же салазках привезли двух сестер и братишку... Это было 25 января 1943 года – еще даже не середина войны.

Все самое дорогое в воспоминаниях связано с именем матери. С расстояния в тридцать пять лет особенно ясно видишь, какая ноша легла ей на плечи. Общие на всех взрослых военные тяготы, но, кроме того, – четверо ребятишек! (Старшему было одиннадцать.) И, по сложившимся обстоятельствам, ни карточек, ни пайков. Одеть детей, накормить, научить, уберечь от болезней... Какую великую силу духа надо было иметь в те годы женщине-матери, чтобы не впасть в отчаяние, не растеряться, в письмах на фронт не обронить тревожного слова.

Вспоминаю мамины письма к отцу. Она их писала печатными буквами, и на письмо уходила обычно целая ночь. Худые вести на фронт в те времена не шли. Мы сообщали отцу, сколько дает коза молока, кто пришел раненый, какие отметки в школе... По письмам выходило: живем мы сносно. Да и самим нам казалось: сносно живем – в тепле, одеты, обуты, не голодаем. И только теперь, понимая цену всему, знаешь, какими суровыми были эти уроки жизни для матери и для тех, кто в войну только-только узнавал жизнь.

Огонь добывали, либо бегая с баночкой за углями туда, где печь уже затопили, либо с помощью кремня и обломка напильника. Освещалась изба коптилкой. В нее наливали бензин, а чтобы не вспыхнул, почему-то бросали щепотку соли. Не больше щепотки – соль была драгоценностью: 100 рублей за стакан. Мыла не знали. Одежду стирали золой и речным илом. Сама одежда... На ногах, я помню, носил сшитые матерью из солдатской шинели бурки и клеенные из автомобильной резины бахилы. Рубашка была сшита из оконной занавески, а штаны – из солдатской бязи, окрашенной ветками чернокленника и ольховой корой.

Кормились в основном с огорода. Картошка, огурцы и свекла были нашим спасением. С хлебом же было так. Из колхоза зерно под метелку отправляли для фронта. Нам доставались лишь оброненные при уборке колосья. Целый день, не разгибаясь, собираешь колосья в мешок, сушишь, бережно растираешь в ладонях. Зерно потом веяли и мололи на самодельной мельнице – «терке». Я убежден: тот, кто держал в руках ломоть таким вот образом добытого хлеба (часто с примесью лебеды, свеклы, желудей), имеет верную точку отсчета в определении разного рода жизненных ценностей.

Тепло в доме доставалось тоже большим трудом, по нынешним представлениям, просто каторжным трудом. Пять километров до леса, полем, пять – лесом (чтобы найти сухой дубок или сосну). Таким образом, десять – в один конец и десять – обратно с тяжелой ношей. Чтобы не слишком болело плечо, жердину или вязанку дров обертывали травяною подушкой. И все равно: скинешь у дома ношу – к плечу нельзя прикоснуться. И это была обычная забота тринадцатилетних мальчишек. Однако не единственная забота. Маме приходилось работать на поле. И хотя дома руки ее удивительным образом до всего доходили и все успевали, нам с сестрой доставалась немалая часть забот: с весны до осени ухаживать за огородом (от него целиком зависело наше существование), готовить сено козе, добывать топливо, носить воду, варить еду, собирать колосья, молотить зерно, нянчить маленьких. И делалось это все помимо учебы в школе, помимо домашних уроков, помимо того, что нас, школьников, водили на колхозное поле (пололи просо, убрали свеклу, молотили подсолнух). Так война диктовала законы жизни и для детей.

Может странным кому-нибудь показаться, но я ничуть не сетую на судьбу, вспоминая эти четыре года. Прокручивая сейчас назад ленту уже более чем сорокалетней жизни, взвешивая, где, когда и чему научился, без колебания говорю: главная школа жизни приходится на эти годы.

Суровые, требовательные годы совпали для нас, военных мальчишек, с возрастными законами воспитания человека. Глубоко верю: уроки мужества, труд и трудности сейчас для подростков также необходимы. Их надо сознательно культивировать (в семье, в лагере, в школе) подобно тому, как физкультурой мы восполняем отсутствие естественного физического труда. В нужное время, в нужных дозах, с оправданной степенью риска обязательно надо учить человека тому, что жизнь от него непременно потребует.

Возможен вопрос: «Закалка, трудности... А детство? Во имя грядущих лет не лишится ли человек детства?» Опыт жизни говорит: нет! Конечно, были в войну ситуации (и немало их было!), когда подросток ставил под ноги ящик, рядом со взрослыми точил на станке снаряды, известно: мальчишки участвовали в партизанских боях. Тут все проходило по счету взрослого человека, и сама жизнь обрывалась (все было!) в тринадцать лет.

Но, вспоминая свое тоже нелегкое детство, я все же вижу его. Оно было! Было со всеми свойственными этому возрасту радостями. Хватало времени на забавы, на всякие выдумки, игры. Те же хождения в лес за дровами... Конечно, несладкое дело – подняться с постели в четыре утра, нелегка была ноша по пути к дому. Но было кое-что и другое. В лесу открывался мальчишкам огромный таинственный мир. Этим миром ватага из пяти-шести человек пользовалась в полную меру фантазии, любопытства и предприимчивости.

И была еще в нашем владении речка. Купали лошадей, доставали раков из нор, в половодье катались на льдинах (за это перепадали нам подзатыльники), ловили рыбу. На зимний Николин день дрались «на кулачки» – стенка на стенку по правилам – с мальчишками соседней Боддиновки. (Традиция, иссякшая только после войны.) Познакомились близко мы и с оружием. (Находки в прифронтовом лесу.) Стреляли из автомата, из винтовки, в логу взрывали гранаты и шашки тола... И удивляюсь сейчас: никто из нас не утонул, не упал с дерева, не подорвался, опасно не обморозился, не отбился от рук.

И не скажу, что росли мы дичками. Ходили в школу. И много, поразительно много читали. Книги, конечно, были случайные. Но если говорить о КПД их работы, он был огромным. Читали с жадностью! За хорошей книжкой всегда была очередь. И было заведено: прочел – расскажи! Так мы менялись книжками и тем, что узнали из книжек. И бывало еще: читали вслух, по очереди. Так, помню, мы проглотили «Приключения Гулливера», «Как закалялась сталь», «Человек-амфибия», «Айвенго», «Дерсу Узала». Если б в то время кто-нибудь нам сказал: через десять-пятнадцать лет можно будет дома сидеть у ящика с экраном и видеть, что происходит за тысячу километров, мы бы ни за что не поверили. Теперь, наблюдая мальчишек при передаче «Клуба кинопутешествий», я завидую им, но в это же время с благодарностью вспоминаю сидения у коптилки. Они нам что-то оставили в душах, эти зимние вечера у коптилки!

Что еще прорастало из детства? Думаю, наблюдательность, желание все испытать, всему научиться. В те времена нельзя было ждать, что нужную, необходимую вещь кто-нибудь в дом принесет и житейское дело кто-то исполнит! За все брались сами. Учились у взрослых и друг у друга, самолюбие подгоняло: Петька может, а я почему же?

Не бог весть какими сложными были наши дела по хозяйству. И все же. Вспоминаю, что мы умели. Мы – это пять одногодков и одноклассников с одной улицы: Петька Беляев, Володька Смольянов, Васька Миронов, Ваня Немчин и я. Мы умели косить, починить валенки, вставить в ведро дно, почистить дымоход в печке, заклеить бахилы, умели наладить пилу, наточить косу, подправить крышу, сделать лестницу, грабли, сплести лукошко из хвороста, намесить глину для штукатурки, навьючить воз сена, смолоть зерно, остричь овцу, почистить колодец, нагнать на кадку лопнувший обруч. Чернилами по обойной бумаге писали плакаты для школы и сельсовета. В колхозе мы знали, как надо управиться с молотилкой. Научились ходить за сохой в огороде. И в конце концов догадались сделать тележку с колесами от плужка, облегчившую наши походы в лес за дровами... Такова несложная грамота жизни, которую и надо было освоить.

И если уж все вспоминать, то надо вспомнить и балалайку... Апрель, 1945 год. На просохшей проталине около дома маленький хоровод. Не хоровод даже, а так – собрались ребята, три старухи сидят на завалинке, пришедший с фронта без ноги парень, ну и, конечно, девушки, ровесницы тех ребят, что ушли воевать. Веселья не было. Грызли семечки. «Под сухую» пели частушки. («Под сухую» – это значит без музыки: не было ни гармошки, ни балалайки.)

– Господи, неужели нельзя добыть какую-нибудь заваливающую балалайку! Ребятишки, ну отняли бы у болдиновских...

Скажи это другой кто-нибудь, я бы слова мимо ушей пропустил. Но это сказала она...

В прошлом году я встретил ее случайно в Воронеже. Поздоровались, поговорили о новостях, вспомнили, кого знали. Она сказала:

– А я вас по телевизору видела. Шумлю своим: это же наш, орловский...

– А помнишь, – говорю, – балалайку?

Нет, она не помнила.

...Тогда, весной, мне вдруг страшно захотелось добыть для нее балалайку. Ну хоть из-под земли, хоть украсть, хоть в самом деле отнять у болдиновских. Я выбрал самый тернистый путь: решил сделать.

Опустим недельную муку необычной работы... Однажды вечером я пришел к хоро-воду, робко держа за спиной балалайку. Мое творение сработано было на старой фанере, на струны пошли стальные жилки из проводов, лады на ручке были из медной проволоки. Краски, кроме как акварельной, я не нашел. А, в общем, все было как надо. Да иначе и быть не могло – так много стараний и какого-то незнакомого прежде чувства вложил мальчишка в эту работу.

Сам я играть не умел и передал балалайку сидевшему на скамейке инвалиду-фронтовику. Тот оглядел «инструмент», побренчал для пробы, подтянул струны. И чудо-юдо – балалайка моя заиграла. Заиграла!

Первой в круг с озорною частушкой вырвалась о н а. И пошла пляска под балалайку.

– Ты сделал?!

Я не успел опомниться, как она, разгоряченная пляской, схватила мою голову двумя руками и звучно при всех поцеловала. Это был щедрый, ничем не обязывающий поцелуй взрослого человека – награда мальчишке.

А мальчишке было тогда пятнадцать. Мальчишка, не помня себя, выбрался из толпы и побежал к речке. Там он стоял, прислонившись горячей щекой к стволу ивы, и не понимал, что с ним происходит. Теперь-то ясно: у той самой ивы кончилось детство. Детство... Оно все-таки было у нас, мальчишек военных лет. Оглядываясь назад, я вижу под хмурым небом этот светлый ручеек жизни – детство. И наклоняюсь к нему напиться.

1975 г.

Брестская крепость

22 июня... Двадцать девять лет назад началась война...

С годами подробности больших событий постепенно теряются. Память хранит только узловые драматические моменты. Заговорите о нашествии Наполеона – и сразу вспомнятся Бородино, пожар Москвы, Смоленская дорога. От последней войны не забудутся сражение под Москвой, Сталинград, Севастополь, ленинградская блокада, Курская дуга, Берлин. И это – 22-е число в июне...

Под обвалами Брестской крепости найден будильник. Ему не суждено было прозвенеть утром 22 июня. Помятые взрывом стрелки остановились в четыре часа. За пятнадцать минут до этого немецким репортером сделана фотография: офицеры штаба Гудериана в ожидательных позах возле границы. Светает. Пятнадцать минут до начала войны... Гудериан вспоминал потом: «Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов...»

Первую минуту нашествия видели не спавшие пограничники. Из них мало кто уцелел. Уцелевшие рассказали: «Впереди, за пограничной чертой, на западном крае чуть светлевшего неба, среди звезд, вдруг появились красные и зеленые огоньки. Они усеяли собой весь горизонт. С их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов. Сотни самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно пересекли границу». А в это время в Брестской крепости у чьей-то кровати мирно двигались стрелки будильника...

Что было потом с крепостью, никто не мог рассказать. И только случайно во время войны из захваченных документов немецкого штаба стало известно: «Русские и Брест-Литовские боролись исключительно упорно, настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе». И более позднее свидетельство немецкого генерала: «Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу». Заметим, речь идет не о Сталинграде, не о Курской дуге и Севастополе. Речь идет о самой первой минуте, о первых неделях войны...

На снимках Брестской крепости мы видим обычно лишь малую центральную часть ее. Мысленно надо продолжить и замкнуть кольцом двухэтажный кирпичный пояс казарм. Разрушенная церковь-клуб стоит в центре почти двухкилометрового кольца цитадели. Сегодня кольцо во многих местах разорвано.

До сорок первого года оно было сплошным, с тремя воротами. Крепость окружена водой двух сливающихся в этом месте рек: Западного Буга и Мухавца. На двух островах, прилежащих к острову-цитадели, – продолжение крепости: валы, мощные укрепления, обводные каналы. Когда-то здесь стоял город Брест. Его перенесли в сторону и на этом очень выгодном для обороны месте поставили крепость.

Прошло сто тридцать лет со дня окончания громадного по тем временам строительства. Крепость со множеством укреплений, валов, казематов и подземных каменных сооружений была неприступной, пока существовали гладкоствольные пушки. Постепенно крепость теряла неуязвимость. С появлением авиации и тяжелых фугасных снарядов крепость перестала быть крепостью в старом понимании слова и была местом расположения армейского гарнизона. Стоит крепость на самой границе. Лента воды отделяет ее от зарослей, в которых немцы в канун вторжения накапливали артиллерию, пехоту и средства для переправы. Нельзя сказать, чтобы с нашего берега этого не заметили. Кое-кто из командиров открыто говорил о близости войны. Но из Центра приходил неизменный приказ: «Сохранять спокойствие, усилить наблюдение» – Москва хотела всеми силами оттянуть роковой день,

не дать повода к нападению. 21 июня в Брестской крепости были пойманы переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Позже оказалось: в крепость проникло большое число диверсантов.

В ночь на 22 июня они резали электрические провода, занимали выгодные позиции для стрельбы...

«22 июня под утро я поднялась покормить годовалую девочку. Тронули выключатель – лампочка не зажглась. Я прилегла – и вдруг гром, свет, рама упала на пол... Муж, схватив портупею с наганом, успел только поцеловать меня и сказать: «В подвал! Детей держи возле себя. Война...» Больше я его не увидела...» Этот маленький эпизод первой минуты войны я записал со слов Лидии Михайловны Крупиной, приехавшей из Магадана «навещать места 41-го года».

Считаное число людей осталось в живых из тех, кто был участником или свидетелем героической драмы. По их рассказам, по найденным в развалинах останкам, оружию и документам прояснилась после войны картина многодневной схватки на берегах Буга и Мухавца. Глядя на снимок, мы можем представить сейчас место, где на резиновых лодках после артиллерийской бомбежки переправились немцы. Они ворвались в ворота цитадели. Сразу же захватили ставшую теперь руинами церковь-клуб. Отсюда удобно было держать под обстрелом двор цитадели. Отсюда гитлеровцы вели по радио управление артиллерийским огнем. И казалось – все! К половине дня, как намечалось планами, крепость падет. Но после первых минут замешательства крепость вдруг оцетинилась огнем и штыковыми ударами.

И все пошло не так, как наступавшие предполагали. Пришлось отказаться от лобовой атаки и начать осаду. Фронт ушел далеко на восток, а тут, возле самой границы, били тяжелые, полуметрового калибра пушки. Самолеты бросали двухтонные бомбы, в перерывах между бомбежками вкрадчивый голос из репродуктора уговаривал сдаться. Но как только все утихало и поднимались немецкие автоматчики, крепость давала бой. Силы были неравными. Против самолетов, против танков и тяжелых орудий у осажденных были только винтовки и пулеметы. Кое-где не хватало даже винтовок.

Люди не знали, как сложилась война. Окруженные со всех сторон, первые два дня они ждали помощи. Радисты беспрерывно посылали в эфир позывные, пока не кончилось питание в батареях. Потом стало ясно: смерть придется встречать в этих стенах. Было несколько попыток прорваться. Возвращались, оставляя убитых товарищей. Так день, и два, и три... Есть кадры немецкой хроники: дым, обвалы, обезумевшая белая лошадь в дыму и тени автоматчиков. Немцы несли большие потери. Эта «крупная остановка» на фоне победного наступления по всем фронтам их раздражала. И с каждым днем все тяжелее становились удары снарядов и бомб.

Все меньше защитников оставалось в крепости. Тут вместе с ними были дети и женщины, тут же умирали раненые. Кончились патроны. Не было пищи, не было воды. Вода текла от стен в десяти метрах, но добыть ее было нельзя. Смельчаков, ночью рискнувших ползти к берегу с котелками, сейчас же настигали пули. Пробовали рыть в казематах колодцы, на веревках бросали в реку простыни, подтянув назад, выжимали из них в котелок грязную жижу. Из-за гари, пыли и трупного смрада невозможно было дышать. Но как только немецкие автоматчики поднимались, обреченная крепость открывала огонь. Уже пал Минск. 16 июля немцы вошли в горящий Смоленск, а крепость продолжала бороться.

В десятки раз превосходящие силы немцев расчленили оборонявшихся, но не могли их сломить. К бойницам и амбразурам подвели огнеметы. Нельзя без содрогания думать о том, что было в подземных казематах. Кирпич от огня и тот плавился и застывал черными сосульками. Крепость истекала кровью, но не сдавалась.

До двадцатых чисел июля в крепости не стихали взрывы гранат и выстрелы. Кое-где огонь вели уже одиночки, оставлявшие для себя последний патрон. На стенах спустя три

года мы прочитали последние слова, обращенные к нам: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41».

Это было только начало войны.

Никакой памятник не может сообщить человеку большего волнения, чем изуродованные взрывами, изъеденные пулями и осколками, опаленные красные кирпичи крепости. Стена цитадели местами исчезла, местами проломлена. Приходящему сюда покажут, где было зарыто знамя полка, где у стены был расстрелян немцами комиссар Фомин, покажут похожий на огромную подкову героический Восточный форт, которым командовал человек удивительной воли и мужества – майор, ныне Герой Советского Союза Петр Гаврилов. Стоят в центре крепости величественные руины церкви-клуба. Камни и кирпичи поросли березками и бурьяном. Гулкий и жутковатый холод идет из подвалов. После сильных дождей то в одном, то в другом месте вдруг оказываются позеленевшие патроны, белые кости, оружие...

Из семи тысяч стоявших тут насмерть в живых осталось немногим больше трехсот человек. Все они после войны побывали в крепости. Встречались и узнавали друг друга. Видавшие эти встречи рассказывают: седые, немолодые теперь уже люди, обнявшись, рыдали и становились на колени около опаленных стен...

В крепости каждый год бывает полмиллиона людей. Тут проводятся слеты и встречи. Но мы все еще недостаточно хорошо поняли, как велика цена этих красных развалин. Они нам дороже любого мраморного дворца.

Тут не надо наводить лоск, делать дорожки и цветочные клумбы. Но надо, не скупясь на затраты, бережно сохранить эти стены. И они будут вечно служить делу, во имя которого люди умерли тут летом 41-го года.

1970 г.

Народный маршал

С маршалом Георгием Константиновичем Жуковым я встречался не один раз. Начало всему положила первая встреча 27 апреля 1970 года. Приближалась 25-я годовщина Победы. Очень хотелось поговорить с одним из главных ее творцов. Но существовали сложности. Имя маршала было в тени. В юбилейные даты Жукова вспоминали, но с какой-то странной осторожностью, дозированной осмотрительностью. В то же время вышла и пользовалась громадным успехом книга его мемуаров. В те дни меня к Жукову влек обостренный человеческий интерес и в немалой степени очищение погрязшей справедливости. Одним словом, ко дню 25-летия Победы хотелось поговорить именно с Жуковым.

С благодарностью вспоминаю Вадима Комолова. В прошлом журналист «Комсомольской правды», и много сделал, работая в издательстве АПН, чтобы книга Георгия Константиновича «Воспоминания и размышления» увидела свет при жизни маршала. Я попросил Вадима: нельзя ли познакомиться с Жуковым?

И вот 27 апреля 1970 года мы едем на подмосковную дачу. Лесное, уютное, тихое место с двухэтажным домиком за оградой. С большим волнением переступал я порог. Все хотелось запомнить, заметить... Позже я несколько раз бывал в этом доме. Но и теперь ощущаю волнение той первой встречи.

Из глубины большой залы вышел, помню, опираясь на палочку, седой уже, подкошенный временем человек. Приветливо поздоровался, посмотрел внимательным взглядом, предложил чаю.

Знакомясь, говорили о новостях, о погоде, о наступающем празднике. Минут через десять-пятнадцать перешли к делу. Я сказал, что газета для нашей беседы готова предоставить целую полосу, что все, чего мы коснемся, будет показано до публикации маршалу. Жуков кивнул. Часть вопросов в письменном виде я передал ему ранее, на другую половину вопросов он отвечал в ходе живой беседы. Я пользовался только блокнотом и очень жалею об этом. Магнитная запись сохранила бы голос дорогого нам человека, его манеру говорить, мыслить.

Беседовали часа три. Я спрашивал, Жуков отвечал, иногда уточняя вопрос. В одном месте, помню, он вдруг поднял брови: «Василий Михайлович, но это вопрос для ротного командира...» Я возразил: «Мы хотим показать вас не только маршалом, но и человеком».

После беседы фотографировались. Жуков подарил на память мне книгу, показал только что полученное издание ее из Парижа. Уезжали мы уже в темноте.

Запись беседы мы решили показать Георгию Константиновичу не отпечатанной, как принято, на машинке, а уже набранной в типографии и сверстанной в газетную полосу с фотографией, заголовком. Взглянув на оттиск, Жуков сдержанно улыбнулся: «Вот так и напечатаете?..» – «Да, с вашими поправками, Георгий Константинович». Жуков, помню, неторопливо надел очки и стал читать, не присаживаясь. Потом, попросив подождать, поднялся на второй этаж. По некрутой деревянной лестнице он шел, держа перед собой газетный лист, и читал.

Минут через сорок опять заскрипели ступеньки. По лицу Жукова мы поняли: возражений нет. Действительно, в набранном тексте было сделано две поправки – в одном месте поставлена запятая, а в самом начале Жуков точнее сформулировал мысль о том, что Сталин, вопреки множеству сведений – «война на пороге», упорно надеялся оттянуть, отодвинуть войну.

Успех публикации в «Комсомольской правде» был громадным. Газету, помню, читали вслух в домах, во дворах. Редакция получила множество откликов. Тысячи писем получил и

сам маршал. По ним он почувствовал: народ, страна его помнит, относится к нему с огромным, искренним уважением, понимает роль Жукова в войне и место его в истории.

Позднее я виделся с Георгием Константиновичем при разных обстоятельствах. Он звонил, например: «У меня в гостях товарищи из Монголии. Приезжай и не забудь фотокамеру»...

Из бесед о войне и событиях тех лет считаю долгом привести ответ Жукова на вопрос: как он относится к словам «Сталин руководил войной по глобусу»? Ответ был таким: «Чепуха. Сталин так войну понимал, что даже я иногда склонял перед ним голову. И если в первую половину войны он, случалось, бывал растерянным, делал ошибки, то вторую половину войны он полностью соответствовал тому, что требовала обстановка от его ответственной роли Верховного Главнокомандующего». Это взвешенные слова. Пристально вглядываясь в историю, мы должны трезво и непредвзято все в ней оценивать, иначе «качели» суждений на каждом новом этапе осмысливания прожитого будут кидать нас из крайности в крайность. Немилость после войны, первую немилость, Жуков испытал со стороны Сталина. Обиду он, разумеется, помнил, тем объективней и значительней его слова.

После смерти жены Георгий Константинович почувствовал: дни его сочтены. В последнюю встречу он прямо сказал об этом: «Все. Надо готовиться. Пистолет, саблю, бурку отдал в музей. Возьми что-либо себе на память». Я стал отказываться. Жуков повел меня в закуток, где хранились его рыболовные принадлежности. «Бери вот это...» Как дорогая реликвия, хранится у меня жестяная зеленого цвета коробка с крючками и блеснами. Одна из блесен из пряжки солдатского ремня сделана самим маршалом...

После смерти Жукова я еще несколько раз писал о нем, обращаясь к его семейному архиву и к людям, знавшим Георгия Константиновича по войне. Несколько очерков публикуются здесь вместе с самой первой беседой.

О нашей победе

Беседа с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым

– *Георгий Константинович, прошло двадцать пять лет со дня окончания войны с фашизмом. Что бы вы сказали о значении нашей Победы молодым людям сегодня?*

– Чтобы понять значение нашей победы, надо хорошо представить, что нам угрожало. А под угрозу было поставлено все: земля, на которой мы живем, – фашисты ее хотели отнять; наш общественный строй – для фашистов он был главным препятствием к достижению мирового господства; поставлено под угрозу было существование народов нашей страны. По плану фашистов население занятых территорий подлежало уничтожению или превращению в рабочую силу нацистской империи.

Мы схватились с фашизмом, когда почти вся Европа была им повержена. Мы оставались для многих людей и наций последней надеждой. Мир затаил дыхание в 1941 году: выстоим мы или фашисты и тут возьмут верх? Для нас самих эта схватка была величайшим испытанием. Проверялись жизнеспособность нашей социальной системы, нашей коммунистической морали, сила нашей экономики, единство наций – словом, все, что построено было после 1917 года.

Мы победили. Армия наша не только смела захватчиков со своей земли, но и освободила от фашизма Европу. Колоссально вырос в мире авторитет нашего государства. У миллионов людей на Земле укрепились вера в социалистический строй. Вот что значила наша Победа.

– *Георгий Константинович, всякий раз, вспоминая войну, мы неизбежно возвращаемся к ее началу. Вы были начальником Генерального штаба. Что вы знали о приближении войны? Каким для вас было утро 22 июня?*

– О подготовке Германии к войне с нами к середине июня скопилось довольно много сведений. Разумеется, обо всем этом докладывалось Сталину, но он относился к этим сведениям с преувеличенной осторожностью.

21 июня мне позвонили из Киевского округа: «К пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель. Он утверждает, что немецкие войска выходят в исходные позиции для наступления и что война начнется утром 22 июня». Мы с маршалом Тимошенко и генерал-лейтенантом Ватутиным немедленно поехали к Сталину с целью убедить его в необходимости приведения войск в боевую готовность. Он был озабочен.

– А может, перебежчика нам подбросили, чтобы спровоцировать столкновение?..

Приказ о приведении армии в боевую готовность был передан войскам в ночь на 22 июня. Работникам Генштаба и Наркомата обороны в эту ночь было приказано оставаться на своих местах. Все время шли непрерывные переговоры по телефону с командующими округов. В 12 часов ночи из Киевского округа сообщили, что в наших частях появился еще один немецкий солдат. Он переплыл реку и сообщил: «В четыре часа немецкие войска перейдут в наступление...»

В 3 часа 17 минут позвонил командующий Черноморским флотом: «Со стороны моря подходит большое количество неизвестных самолетов...»

Война... Я немедленно позвонил Сталину, доложил обстановку и попросил разрешения начать ответные боевые действия. Он долго не отвечал. Наконец сказал: «Приезжайте в Кремль...»

В 4 часа 30 минут мы с Тимошенко вошли в кабинет Сталина. Там уже были все члены Политбюро. Сталин, бледный, сидел за столом с нераскуренной трубкой. Он сказал: «Надо

позвонить в германское посольство...» В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленберг просит принять его для срочного сообщения...

– *Итак, приближение войны чувствовалось. В чем же причина промедления с приведением страны в боевую готовность?*

– Одна из важных причин состоит в том, что Сталин был убежден: войну удастся оттянуть, удастся закончить перестройку и оснащение армии. Он опасался, что наши действия будут предлогом для нападения.

Судить о моменте, сложившемся перед войной, надо с учетом сложной международной обстановки того времени. Многое было неясным. Англия и Франция вели двойную игру. Они всеми силами толкали Гитлера на восток. Опасаться разного рода провокаций были все основания. Но, конечно, осторожность оказалась чрезмерной. И мы, военные, вероятно, не все сделали, чтобы убедить Сталина в неизбежности близкого столкновения. Вообще есть глубокие объективные причины, предопределившие затяжной характер войны с огромными для нас жертвами, с огромным напряжением сил.

– *Каковы же эти причины?*

– Двумя словами тут не ответишь. Многое объясняет историческая неизбежность ситуации. Сейчас, оглядываясь назад и тщательно все взвешивая, я твердо могу сказать: дело обороны страны в своих основных, главных чертах велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что возможно. А в период с 1939-го и до половины 1941 года народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшей всех сил и средств.

Я вспоминаю те годы и поражаюсь, как много мы сделали. Развитая индустрия, колхозный строй, всеобщая грамотность, единство наций, высочайший патриотизм народа, руководство партии, готовой слить воедино фронт и тыл.

Это была великолепная основа обороноспособности гигантской страны. Но история отвела слишком небольшой отрезок мирного времени, для того чтобы все поставить на свое место. Многое мы начали правильно, но далеко не все успели завершить.

И в собственно военном отношении делалось много. После Гражданской войны мы не имели заводов, производящих танки, самолеты, средства связи. Война началась в момент коренной перестройки армии. Мы получили новейшее оружие. Но прославленные «катюши», танк Т-34, самолет-штурмовик и многое другое только-только осваивались. Перестраивалась и система обучения армии. Гитлер знал это и очень спешил...

А теперь давайте посмотрим на нашего противника. Немецкая армия была к этому времени намного лучше оснащена, лучше отмотилизована, чем наша, имела военный опыт, была опьянена победами. Боеспособность немецких солдат, их воспитание и выучка во всех родах войск были высокими, но особенно хорошо были подготовлены к войне танковые и авиационные части. Все это важно знать, чтобы иметь представление, с какой силой столкнулась наша армия.

Внезапность удара, конечно, тоже имела большое значение. В руки фашистской армии сразу попала стратегическая инициатива, и вырвать ее было очень и очень непросто.

Но при всех видимых победах отлаженная фашистская машина войны забуксовала. В гитлеровских штабах сразу это почувствовали. Вот что писал, например, генерал Курт Типпельскирх:

«Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось. Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению...»

Трезво сказано? Трезво и точно.

– *Верховное командование направляло вас на самые напряженные и ответственные участки войны. Какие сражения в этой связи вы могли бы назвать?*

– Оборона Ленинграда. Битва за Москву. Сталинградское сражение. Битва на Курской дуге. Белорусская операция в 1944 году. И конечно, сражение за Берлин. Этими операциями я или руководил, или по поручению Ставки совместно с командующими фронтами занимался их подготовкой.

– *Какое из этих сражений вам больше всего запомнилось?*

– Этот вопрос задают мне часто, и я всегда одинаково отвечаю: битва за Москву. Это был ответственный момент войны. Я принял командование фронтом в дни, когда фронт находился, по существу, в пригородах Москвы. Из Кремля до штаба фронта в Перхушкове мы доезжали на машине за час. Теперь даже трудно представить, как это близко. Бои шли в местах, куда теперь молодые москвичи ездят зимой на лыжах, а осенью за грибами...

Это были дни величайшего испытания. Опасность, нависшая над столицей, была велика. Пришлось эвакуировать в Сибирь и за Волгу важнейшие заводы, некоторые государственные учреждения, дипломатический корпус. Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования. На защиту Москвы встали все, кто мог держать винтовку, лопату, кто мог стоять у станков, производивших боеприпасы.

Не помню, какого точно числа в штаб фронта позвонил Сталин:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист. Я ответил:

– Москву удержим... На каждом из защитников Москвы лежала в те дни историческая ответственность.

Величие подвига под Москвой состоит в том, что силой мы немцев не превосходили. На столицу фашисты нацелили главный удар, сюда были брошены лучшие, отборные части. Нам важно было выстоять до подхода резервов, которые спешно перебрасывались с востока. Мы шли тогда на риск. На востоке у нас был тоже опасный сосед – Япония. Но иного выхода не было. Особенно остро мы чувствовали нехватку танков и боеприпасов. Теперь трудно поверить, но в конце боев под Москвой была установлена норма снарядов: один-два выстрела на орудие в сутки.

– *Известно, как тяжела война. Скажите, Георгий Константинович, насколько физически трудна была обстановка лично для вас как командующего фронтом в битве за Москву?*

– Я отвечу так же, как в 45-м году отвечал Эйзенхауэру. Битва за Москву была одинаково тяжела как для солдата, так и для командующего. В период самых ожесточенных боев (с 16 ноября до 8 декабря) мне приходилось спать не более двух часов в сутки. Чтобы как-то поддерживать силы и способность работать, надо было делать короткие, но частые физические упражнения, пить крепкий кофе, иногда пробежать пятнадцать-двадцать минут на лыжах. Когда в сражении наступил перелом, я так крепко заснул, что меня не могли раз будить. Два раза звонил Сталин, ему отвечали: «Жуков спит, не можем его добудиться».

– *Переломный момент войны – Сталинград. Как рождался замысел этой знаменательной операции?*

– Замысел окружения армии Паулюса возник в результате сложившейся обстановки осенью 42-го года. Сталинград стал местом ожесточеннейшей битвы. По моему мнению, сравнить ее можно лишь с битвой за Москву.

Героическая стойкость нашей армии позволила подтянуть к Волге накопленные резервы, и удар по немецкой группировке в этом районе назрел. К этому времени наши командные кадры прошли суровую школу войны, многому научились. Среди них выявились талантливые люди. Очень возможно, что идея «котла» приходила в голову многим. Фактически же дело обстояло так.

При обсуждении в Ставке плана контрнаступления мы с Александром Михайловичем Василевским обратили внимание Верховного на возможность окружения немцев под Сталинградом. Это резко изменило бы стратегическую обстановку в нашу пользу. Сталин все внимательно выслушал и спросил: «А хватит ли сил?»

Через несколько дней после произведенных расчетов было доказано, что это лучший способ закончить битву под Сталинградом. Замысел немедленно начал осуществляться: подтягивались резервы, перемещались огромные силы трех фронтов, разведка добывала важнейшие сведения о противнике. Всей этой работой руководили Ставка и Генеральный штаб.

– *Во время битвы под Сталинградом вам приходилось бывать в тех местах?*

– С прорывом немцев на Волгу я был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего и сразу (29 августа 1942 года) получил приказ вылететь в штаб Сталинградского фронта. Как представитель Ставки участвовал в подготовке контрнаступления.

Это требовало присутствия то в штабах наших армий под Сталинградом, то в Ставке в Москве...

– *После Сталинградской битвы заметны были качественные изменения в армии?*

– Конечно. После Сталинграда армия стала как закаленный клинок, способный сокрушить любую силу. Сражение на Курской дуге это великолепно подтвердило.

– *Объясните, пожалуйста, смысл двух этих слов – «Курская дуга». Не все знают, что это значит.*

– Слова эти вошли в обиход с лета 43-го года, когда фронт стабилизировался и в районе Курска образовался дугообразный выступ нашего фронта, подобный тому, как у немцев образовался выступ в сторону Волги у Сталинграда.

– *Чем отличалось сражение под Курском от всех предыдущих?*

– Я бы так сказал: преднамеренностью. Обе стороны заранее и длительное время готовились к сражению. Немцы полагали, что мы не догадываемся об их плане. Они ошиблись. После тщательного анализа стратегической обстановки и многих данных, добытых фронтовой и агентурной разведками, мы пришли к единодушному мнению: на Курской дуге немцы хотят взять реванш за сталинградское поражение. Но, разгадав планы немецкого командования, мы не уклонились от места, выбранного им для сражения. Некоторые разногласия у нас были только по одному пункту: обороняться или, выбрав время, нанести упреждающий удар? Тщательно все обсудив, решили, что прочная, глубокая (до 300 километров) оборона выгоднее. Обескровить врага и потом всеми силами перейти в наступление.

Пятьдесят дней длилось сражение. За всю историю войн это, несомненно, была самая крупная битва. На курских и орловских полях остались горы обожженного, исковерканного металла. Немцы потеряли тут около 1500 танков. Наши потери тоже были немалыми. Но мы одержали победу.

– *Георгий Константинович, расскажите, пожалуйста, о Ставке Верховного Главнокомандования, об атмосфере работы Ставки.*

– Ставка... Это был мозговой центр войны. Солдат видел маленький участок фронта и на нем вершил свое ратное дело. Ставка видела все в целом. Слово, произнесенное в Ставке, приводило в движение огромные армии. Нетрудно понять, как велика должна была быть мудрость любого решения, принятого в Ставке.

По мере надобности в Ставку вызывались командующие фронтами. Все крупные операции разрабатывались с их участием. В свою очередь, Ставка посылала своих представителей, облеченных высшими полномочиями, на решающие участки войны. Таким образом, Ставка максимально приближала себя к фронтам.

Последнее слово в Ставке было, конечно, за Верховным Главнокомандующим.

Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандующего разрабатывались и принимались обычно в рабочем кабинете Сталина. В комнате по соседству стоял большой глобус и висели карты мира. В другой комнате стояли аппараты для связи с фронтами.

В Ставке часто бывали члены Государственного Комитета Обороны, руководители Генерального штаба, начальник тыла. Часто в Ставку приглашались конструкторы самолетов, танков и артиллерии, командующие фронтами.

Доклад в Ставке для каждого был делом очень ответственным. Сталин не терпел приблизительных и особенно преувеличенных данных, требовал предельной ясности. Со всеми он был одинаково строг. Но умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела.

Почти всегда я видел Сталина спокойным и рассудительным. Но иногда он впадал в раздражение. В такие минуты объективность ему изменяла. Не много я знал людей, которые могли бы выдержать гнев Сталина и возражать ему. Но за долгие годы я убедился: Сталин вовсе не был человеком, с которым нельзя было спорить или даже твердо стоять на своем.

– *Говорил ли с вами когда-нибудь Сталин о личности Гитлера?*

– Я помню один разговор. Это было ночью под 1 мая 1945 года. Я позвонил Верховному из-под Берлина и сказал, что Гитлер покончил самоубийством. Сталин ответил:

«Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым...»

– *Георгий Константинович, как вы ощущаете руководящую роль партии в войне?*

– Войну мы не сумели бы выиграть и судьба нашей Родины могла бы сложиться иначе, если бы не было у нас цементирующей силы – партии. Все самое трудное, самое ответственное в войне в первую очередь ложилось на плечи коммунистов. А работа в тылу, организации промышленности! Я не могу без восхищения говорить об этой грандиозной работе, проделанной в самые трудные дни. За короткое время – с июня по ноябрь 41-го года – более полутора тысяч предприятий с территории, которой угрожала оккупация, были передвинуты на восток и вновь возвращены к жизни.

Нынешняя молодежь знает, что такое стройки и большие заводы. Так вот представьте, что авиационный завод в какие-нибудь месяц-два перевозился и начинал давать продукцию на новом месте. День и ночь шли эшелоны с оборудованием на восток. День и ночь с востока страны шли эшелоны с оружием и войсками. Весь этот гигантский кругооборот происходил с величайшим напряжением сил, массой неурядиц, неразберихи и столкновений, но совершался он безостановочно, все нарастая, подчиняясь руководящей и организующей силе.

И это только одно звено в ряду бесчисленных военных забот, которые партия взяла на свои плечи. Я горжусь, что вырос в этой партии.

– *Всякая война неизбежно бывает войной умов. Что вы скажете в этом смысле о своих противниках в немецких штабах? Планируя операцию, учитывали вы характер военного мышления какой-либо конкретной личности?*

– Знали немцы почерк наших командующих или нет, мне неизвестно. Что касается нас, то в начальный период войны о таких тонкостях речь идти не могла. На втором этапе войны соотношение уровней военного искусства противостоящих сторон начало выравниваться. А когда наши войска приобрели надлежащий опыт и советское командование получило в свое распоряжение нужное количество сил и средств, оно намного превзошло немецкое командование, особенно в решении стратегических задач.

Учитывали мы, планируя очередную операцию, конкретную личность противника? Это трудно принимать в расчет, потому что любую операцию готовит не один человек. Но, конечно, мы знали, что, например, Манштейн – человек смелый, решительный, Модель – расчетливый, а Кейтель – авантюрист. К концу войны общий уровень стратегического искусства в немецкой армии резко упал. Часто стало случаться: ждешь от противника сильного, выгодного для него хода, а он делает самый слабый.

Если же говорить вообще о нашем противнике в минувшей войне, то я не могу присоединиться к тем, кто считает оперативно-стратегическое и тактическое искусство германских вооруженных сил неполноценным. Мы имели дело с сильным противником.

– *Георгий Константинович, вопрос невоенного характера. Какие из человеческих чувств, по-вашему, сильнее всего пробудила в людях война?*

– Ни одно из человеческих чувств на войне не затухало.

Особо я сказал бы об очень обострившемся во время войны чувстве любви к Отечеству. Это чувство, естественное для каждого человека, глубокими корнями уходит в историю наших народов. И вполне понятно, в суровый час мы вспомнили все, чем Родина наша законно может гордиться. Вспомнили имена великих людей России, великие деяния и ратные подвиги прошлого.

– *Какие обращенные к сердцу народа государственные акты, вы считаете, имели особое значение?*

– Я назвал бы три момента, ставших, по-моему, символами трех этапов войны:

– речь Сталина 3 июля 1941 года, когда народу была сказана правда о нависшей над нашей страной опасности;

– парад в Москве 7 ноября 1941 года, который вселил уверенность: несмотря на все трудности и неудачи, мы выстоим;

– первый салют в Москве в честь освобождения Орла и Белгорода 5 августа 1943 года. До Берлина было еще далеко, но в этих огнях была видна уже окончательная победа.

– *Для многих в мире осталось загадкой: как удалось сдержать гнев и мщение, когда наши солдаты, изгнав врага со своей земли, вступили на его территорию?*

– Честно говоря, когда шла война, все мы, и я в том числе, были полны решимости воздать сполна фашистам за их бесчинства на нашей земле. Имели мы право на святое мщение? Конечно. Но мы сдержали свой гнев. Наши идеологические убеждения, интернациональные чувства не позволили отдалиться слепой мести. Огромную роль сыграли тут воспитательная работа в армии, проведенная коммунистами, и великодушные, свойственные нашему народу.

– *Ваше мнение о помощи союзников?*

– Эту помощь не надо сбрасывать со счетов. Она, безусловно, сыграла свою роль. Из Англии и Америки мы получали порох, высокооктановый бензин, сталь некоторых марок, паровозы, самолеты, автомобили, продовольствие. Но это была лишь очень небольшая часть всего, что требовала война.

– *Какие качества вы более всего цените в солдате?*

– Смелость. Преданность Родине.

– *Георгий Константинович, важно услышать от вас отцовское слово, обращенное к молодежи.*

– Я считаю, что молодежь принесла главную жертву войне. Сколько прекрасных молодых людей мы потеряли! Сколько матерей не дождались с войны детей! С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались с атак. Это страшная минута: подниматься в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только узнали вкус жизни. Девятнадцать-двадцать лет – лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди... А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь.

На Висле, я помню, увидел плачущего солдата. Оказалось, солдат рассказывал о своем друге, только что погибшем молодом лейтенанте... Дорогой ценой досталась нам мирная тишина, возможность учиться, работать, ездить куда захочется. Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали.

Еще я хотел бы сказать молодым людям: охотники до нашей земли и наших завоеваний по-прежнему есть и, думаю, долго еще не переведутся. И потому в любой момент надо быть готовым к суровому часу.

Какими я хотел бы видеть нынешних молодых защитников Родины? Знающими и выносливыми. Армия сейчас оснащена сложнейшей техникой. Изучить ее, конечно, труднее, чем в годы моей молодости научиться управлять конем и владеть шашкой. Но каждое время ставит перед солдатом свои задачи. К минувшей войне ваши ровесники мастерски овладели танками и самолетами. Нынешняя техника тоже по силам молодым, цепким умам. Учитесь! Знайте, что наши враги не сидят сложа руки.

И еще я хотел бы сказать, что при всех знаниях солдату обязательно нужны крепость духа и крепость здоровья. Приучайте себя к выносливости. Учитесь плавать, бегайте, ходите в походы. Имейте в виду, при всей сложности нынешней техники в любой схватке побеждать будут сильные, закаленные люди.

– *В вашем доме есть какие-нибудь предметы, дорогие вам как память о военных годах?*

– Много было всего. Отдал в музеи. В Исторический музей взяли недавно три мои шашки и бурку. В Музей Вооруженных Сил только что отдал пистолет...

– *Война длилась 1418 дней. Какой из этих дней был для вас самым тревожным, самым тяжелым, самым счастливым?*

– Пожалуй, самым тревожным был день накануне войны, 21 июня 1941 года. Очень тяжелыми были несколько дней в ноябре 41-го года под Москвой. Самым счастливым, конечно, был день, когда я от имени армии и нашего народа в пригороде Берлина Карлсхорсте принимал капитуляцию фашистской Германии.

– *Георгий Константинович, а теперь два слова о самом ярком, самом памятном моменте войны.*

– Это, пожалуй, начало штурма Берлина...

Заключительная атака войны была тщательно подготовлена. На берегу Одера мы сосредоточили огромную ударную силу, одних снарядов подвезено было с расчетом на миллион выстрелов в первый день штурма. Чтобы сразу ошеломить немецкую оборону, штурм решено было начать ночью с применением мощных прожекторов.

И вот наступила эта знаменитая ночь на 16 апреля. Никто не спал. Я с нетерпением поглядывал на часы. Казалось, стрелки застыли. За три минуты до начала огня мы вышли из землянки на наблюдательный пункт. До конца дней буду помнить приодерскую землю, подернутую весенним туманом. Ровно в пять часов все началось... Ударили «катюши», заработали двадцать с лишним тысяч орудий, послышался гул сотен бомбардировщиков... А через тридцать минут жестокой бомбардировки вспыхнули сто сорок зенитных прожекторов, расположенных цепью через каждые двести метров. Море света обрушилось на противника, ослепляя его, выхватывая из темноты объекты для атаки нашей пехоты и танков. Картина боя была огромной, впечатляющей силы. За всю свою жизнь я не испытал равного ощущения.

И еще был момент, когда в Берлине над рейхстагом в дыму я увидел, как трепещет красное полотнище. Я не сентиментальный человек, но у меня к горлу подступил комок от волнения.

– *Как долго вы работали над своей книгой «Воспоминания и размышления»?*

– Почти десять лет.

– *Ваша книга вызвала большой интерес у читателей. Что вам известно об этом?*

– Я получил тысячи дружеских писем. Очень хорошие письма и от бывших солдат, и от тех, кто знает войну по нашим рассказам. Жалко, что не имею возможности всем ответить. Напишите, если можно, в газете о моей сердечной благодарности всем, кто откликнулся.

– *Чем вы любите заниматься на отдыхе?*

– Я страстный охотник и рыболов.

– *Георгий Константинович, сейчас, пожалуй, самый подходящий момент передать вам дружеский подарок моих товарищей, журналистов «Комсомольской правды». Это пластинки. В одной коробке – пластинки с голосами птиц Подмосковья. В другой – песни времен войны. Не могли бы вы к этому случаю назвать несколько своих любимых песен?*

– Мои вкусы, я думаю, не расходятся со вкусами многих людей: «Вставай, страна огромная...», «Дороги», «Соловьи»... Это бессмертные песни! А почему? Потому что в них отразилась большая душа народа.

– *Какой народ, по вашему мнению, принес наибольшую жертву в войне?*

– Война от всех народов мира потребовала много жертв. Я счастлив, что родился русским человеком. И разделил со своим народом в минувшей войне горечь многих потерь и счастье Победы.

– *Георгий Константинович, мы говорим с вами в канун праздника нашей Победы...*

– Для нашей Родины всегда будет святым день 9 Мая, и всегда люди мысленно будут возвращаться к маю 1945 года. В те весенние дни был закончен великий путь, отмеченный многими жертвами. И наш человеческий долг: поздравляя друг друга с праздником, всегда помнить о тех, кого нет с нами, кто пал на войне.

Празднуя Победу, мы всегда будем вспоминать, какие качества нашего народа помогли одолеть врага. Терпенье. Мужество. Величайшая стойкость. Любовь к Отечеству. Пусть эти проверенные огнем войны качества всегда нам сопутствуют. И всегда победа будет за нами.

1970 г.

Мгновения судьбы

Уже после смерти Георгия Константиновича Жукова, в день его восьмидесятилетия, «Комсомольская правда» решила опубликовать лучшую фотографию маршала. Ответственный выбор редакция поручила мне.

Два дня я провел в доме Жукова за почетной, но, признаюсь, очень нелегкой работой. Просмотрел не менее тысячи снимков. Самых разных: маленьких и больших, добротных, переложенных тонкой папиросной бумагой: снимков в альбомах, в рамках, в конвертах, в картонных ящиках, чемоданах. Мгновения человеческой жизни в разные годы запечатлели неизвестные люди и фотографы-мастера, подарившие маршалу снимки с сердечными надписями... Большая жизнь прошла у меня перед глазами на пожелтевших и совсем еще свежих бумажных листах.

Снимки его отца до нас не дошли. Да, возможно, и не снимался ни разу деревенский бедняк Константин Жуков, едва-едва кормивший семью крестьянским трудом. А фотография матери Устины Артемьевны Жуковой есть. В плотно сжатых губах, твердом взгляде, в руках, как-то по-особому сложенных на коленях, нетрудно увидеть характер волевой и решительный.

А вот снимки сына. Он, знавший лапти, на этой, возможно, первой своей фотографии очень наряден. Черный костюм, рубашка с модным атласным галстуком. На снимке надпись: «Мастер-скорняк». Обращаясь к листкам, исписанным пятьдесят лет спустя энергичным маршалским почерком и озаглавленным «Род занятий с начала трудовой деятельности», можно датировать этот снимок январем 1914 года. Георгию Жукову семнадцать лет. Он окончил учебу у скорняка и, наверное, по этому случаю снялся. Этот снимок с гордостью можно было послать домой, в деревню Стрелковку Калужской губернии. И мать, наверное, гордилась: сын вышел в люди. Какая гадалка могла бы тогда предсказать, что на галстуке этого начинавшего жить человека появится маршальская звезда!

Поворот судьбы к этому виден на втором снимке. Но опять же какой разговор о высоком предназначении его жизни – солдатская шинель, солдатская фуражка! Возможно, даже и шутка – «каждый солдат носит в ранце маршальский жезл» – была ему неизвестна.

А потом снимок 1923 года. Буденовка, шинель с «разговорами», и на шинели (так все носили тогда) – боевой орден. Этот снимок командира кавалерийского эскадрона Георгия Жукова мы, помню, рассматривали с Жуковым-маршалом. Как сложилась эта привычная нам теперь форма «красных» в Гражданской войне? После революции появилась необходимость одеть Красную Армию в новую форму. Был объявлен конкурс на новую форму военной одежды. Так появилась островерхая шапка, напоминающая шлем, и шинель с полосами-застежками на груди («разговорами»). Жуков воевал в этой форме.

И еще один снимок. 20-е годы. Гражданская война окончилась. Известны ее герои. О них поют песни, снимают фильмы и пишут книги. Два десятка людей на снимке пока еще никому не известны. Но это люди, талант которых определился. Они молоды, многим менее тридцати. Однако уже по ордену на груди. А у Рокоссовского – два. Снимок сделан во время учебы на командирских курсах. У людей впереди еще испытания службой, учеба в академии. Их имена прогремят в 43-м. Но любопытно видеть их вместе уже в 1924 году: Еременко, Баграмян, Рокоссовский. Во втором ряду крайний – Жуков.

Жуков, пожалуй, первый из этой плеяды проявил свой талант полководца уже не в учениях, а в сражении очень ответственном. Снимки с надписью «Халхин-Гол». Их много. Разные. Жукова мы видим тут и над картой, и в беседе с Х. Чойбалсаном, и в укрытии, где он вместе с солдатами, беседуя, отбивается от комаров... И вот он уже со Звездой Героя. Это за Халхин-Гол.

Георгий Константинович очень гордился этой победой. Чувствовалось, для него самой важной была проверка в бою всего, чему научился, чему посвятил свою жизнь. Память об этом сражении не заслонили другие большие победы. В разное время с радостью принимал он гостей из Монголии. Я был однажды на одной такой встрече. Мои снимки теряются в сотне других фотографий, передающих радость людей, породненных боями на Халхин-Голе.

Поразительно мало снимков первого года войны. Особенно снимков, связанных с пребыванием Жукова в Ленинграде, под Ельней и на линии обороны Москвы. Я обратил на это внимание в одной из бесед с Георгием Константиновичем. Он усмехнулся: «Тогда не до снимков было...»

А потом целый чемодан фотографий. Разных, но главным образом небольших, сделанных журналистами и армейскими фотокорами, понимавшими важность всего, чему были они свидетелями. Многие снимки присланы Жукову после войны. Рассматривая некоторые из них, он, обладавший прекрасной памятью, говорил: «Не припомню, где это было».

Год 43-й, 44-й и 45-й. Жуков в машине у самолета, над картой в землянке, с ложкой у солдатского котелка. Жуков идет по окопу, смотрит на поле боя в перископ из укрытия. Жуков у аппарата в разговоре со Ставкой, за беседой со стариками в освобожденном селе. Жуков за решением какой-то важной задачи со своими соратниками. Всюду предельно собран и энергичен. Маршальские погоны, но одежда почти солдатская: обычная гимнастерка, иногда летная куртка, плащ. На этих снимках он такой, каким и был в жизни. Чувствуешь: все, кто его окружает, привыкли к требовательности этого человека. У этой постоянной, порою и жесткой требовательности результатом была победа. Всегда. И потому: если говорит Жуков, все его слушают очень внимательно.

Ни одной фотографии, сделанной в Ставке. «И не ищите. Ставка, насколько я помню, не собиралась в полном своем составе ни разу, – сказал Александр Михайлович Василевский. – Приглашались люди по отдельным конкретным вопросам. Это были самые разные люди, члены Политбюро, командующие фронтами, конструкторы, директора больших предприятий...» Фотограф, как я понял, ни разу не приглашался на совещания, определявшие ход войны. И мы об этом можем только жалеть, ибо все важно и интересно для нас сейчас: солдатский окоп и главный командный пункт.

Фотографии заключительных дней войны... Самые интересные из них – подписание документов капитуляции фашистской Германии. Жуков тут – главное действующее лицо. Думаю, и сам Георгий Константинович снимки этого исторического момента назвал бы наиболее важными из всего, что хранилось в его архиве. Снимки эти известны в самых мелких подробностях. И все же с волнением видишь их лежащими рядом со множеством фотографий мучительно долгой войны. Мне рассказывали, как спешно, на специальных самолетах везли эти снимки в редакции газет многих стран. Все хотели как можно скорее видеть документальное подтверждение: поставлена точка, войны больше нет. От имени советского народа эту «последнюю точку» – подпись под историческим документом – поставил Георгий Константинович Жуков. В его имени слились для нас миллионы имен людей, живых и мертвых, завоевавших этот час нашей славы и нашей гордости, час 8 мая 45-го года в Карлсхорсте.

Послевоенные фотографии архива Жукова – это в первую очередь встречи со множеством разных людей. Встречи с генералом Эйзенхауэром и фельдмаршалом Монтгомери, с Покрышкиным и Кожедубом, с земляками из калужской деревни, с генералом Свободой. Мы видим Жукова в объятиях Калинина, вручившего маршалу третью Звезду Героя. Видим Парад Победы. И тут же снимки каких-то военных учений, наблюдательный пункт испытания новых видов оружия. И потом маленький, но любопытный снимок, сделанный на Урале. Два человека на фотографии: Жуков и бородатый старец, писатель Павел Бажов. Была ли

это случайная мимолетная встреча, а может быть, двух знаменитых людей что-то соединяло: Жуков долгое время после войны работал и жил на Урале...

В особом конверте снимки с пометкой «охота, рыбалка». Жуков любил природу, говорил: «Это во мне с детства». Даты на снимках, где мы его видим в лодке или идущим по снегу с ружьем, означают трудные для него времена. Слушая подаренную ему пластинку с голосами птиц Подмоскovie, он, помню, сказал: – «Вода и лес меня успокаивают. Заставляют думать: все в жизни неизбежно войдет в справедливое русло».

Дневников Георгий Константинович не вел. Но сохранились разрозненные записи – заготовки в книгу воспоминаний либо итог размышлений. В этих записях я прочел строчки, в которых он сам для себя подводил итог жизни. «Мои дети и внуки могут смело смотреть людям в глаза, сознавая, что я всегда и во всем старался быть достойным коммунистом».

И последние снимки последних лет. В преклонном возрасте не любят сниматься. Но я знаю, как много людей хотели встретиться с Жуковым «хотя бы на пять минут». Иногда он уступал просьбам и, одолевая болезнь, выходил из угловой комнаты лесного дома в гостиную. Как правило, среди гостей всегда находился кто-нибудь с фотокамерой. Жуков вздыхал, но покорялся... На этих последних снимках он очень спокоен, по-стариковски мягок. Но все же и тут мы чувствуем прежний характер, характер человека неукротимой воли, редкого мужества, огромной душевной силы, характер человека-победителя.

Если не ошибаюсь, последним Георгия Константиновича снимал корреспондент «Правды» Евгений Халдей. Он принес с собой снимки 45-го года: горящий Берлин, подписание акта Победы в Карлсхорсте. Жуков разглядывал снимки очень взволнованно. Таким он и остался на последней из своих фотографий. Он смотрит задумчиво, чуть мимо большого листа бумаги, на котором солдаты, стоящие у рейхстага, стреляют в воздух из автоматов...

Лучший из множества снимков я выбрал без колебаний. Жукову пятьдесят лет. Прекрасное лицо человека в расцвете сил и в момент высшей славы. Есть портреты маршала в мундире со всеми наградами. Хорошие портреты. Но мы выбрали этот. В нем нет парадности. В нем больше, чем на любой другой фотографии, виден характер человека, прошедшего славный путь от крестьянской избы до Народного Маршала.

Снимок этот сделан в апреле 1946 года, возможно, как раз в те дни, когда Жуков вернулся в Москву из Германии на пост главнокомандующего сухопутных войск армии. Фотографировал маршала Михаил Алексеевич Голдобин. Мы с ним связались, и он сказал: «Георгию Константиновичу этот снимок очень понравился. И я горжусь этим».

1976 г.

Легендарное имя – Жуков

Беседа с писателем В. В. Карповым

1 декабря – день рождения Георгия Константиновича Жукова. В 1986 году четырежды Герою Советского Союза, прославленному маршалу исполнилось бы 90 лет. Жизненный подвиг этого человека никогда не будет забыт нашим народом. Интерес к личности Жукова громаден. Его роль в Великой Отечественной войне, всеми осознаваемая, по-настоящему еще не изучена и полностью не осмыслена. Интересны поэтому все свидетельства его современников, архивные документы, записанные беседы с ним, исследования историков. И конечно, все мы ждем развернутое повествование о жизни великого полководца, чье имя история справедливо поставит рядом с именами Суворова и Кутузова. Кто скажет это слово о Жукове? Начинали писать, но не завершили свой труд Константин Симонов и Сергей Смирнов. В наши дни работает над книгой о маршале Жукове писатель, бывший фронтовой разведчик, Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов. Ступенью к этому большому и ответственному делу является книга В. В. Карпова «Полководец», посвященная жизни и славному воинскому пути генерала Ивана Ефимовича Петрова. Необычное по форме повествование-исследование во всей полноте представило нам образ одного из героев войны. Одновременно книга ярко выявила «лирического героя» этого повествования – автора, сказавшего новое слово в исследовании войны и человека в ней. Повествование «Полководец», с благодарностью встреченное читателями, недавно отмечено Государственной премией СССР. Поздравляя Владимира Васильевича Карпова с наградой, мы попросили его ответить на ряд вопросов, связанных с новой работой.

– Владимир Васильевич, все, кто прочел «Полководца», понимают закономерность вашего обращения к жизненному подвигу Георгия Константиновича Жукова. У вас есть все для этой работы: опыт войны, высшее военное образование, литературный опыт. Книга «Полководец» очень своеобразна, и, мне кажется, это именно тот жанр, который позволяет рассказать о маршале Жукове полно и убедительно. И, наконец, глубокое уважение вызывают ваши нравственные позиции. Мы их увидели в «Полководце». И они очень важны для повествования о Жукове. Скажите, определилось ли название вашей новой работы? В каком состоянии она сегодня?

– Да, название есть. Но я не хотел бы сейчас его произносить. Работы еще лет на пять. Есть вещи, которые от времени тускнеют. Это раз. Второе, название может перемениться. Пока оно мне нравится, оно отражает концепцию книги и служит рабочей, руководящей идеей. Но я допускаю, название может перемениться. И потому пока помолчим.

На каком этапе работа... Начало книги – первый день войны, 22 июня. Предыдущих лет жизни Жукова я буду касаться ретроспективно. Деревенское происхождение этого человека, выход в жизнь из самой гущи народа... предвоенные годы... Халхин-Гол, где ярко обозначился полководческий гений, – все это не будет упущено. Но главное – Великая Отечественная война. Это труднейшее испытание нашего народа и звездный час, а точнее, звездные годы Жукова. На этом сосредоточено исследование. Сегодня на рабочем столе у меня листы с описанием событий горького лета 1941 года. Жуков в Генеральном штабе и на передовой. Это только начало и войны, и книги.

– Форма книги? Будет ли это беллетризованная биография в духе серии ЖЗЛ, или вы будете следовать хорошо найденной в «Полководце» интонации заинтересованного рас-

сказчика-исследователя, привлекающего к повествованию документы, свидетельства очевидцев, выдержки из публикаций?

– Именно так – использование всего известного и привлечение новых фактов и документов. И все должно проходить через размышление, осмысление автора, его понимание характера и поступков главного героя и событий, в которых участвует. Опыт работы над «Полководцем», конечно, мне пригодится.

– В чем вы видите сверхзадачу работы?

– Сказать о минувшей войне возможно правдивей, без упрощений.

И воздать должное Жукову. У меня, да и у многих есть ощущение некой вины, или, точнее сказать, некоего долга перед этим человеком. Чувство справедливости, жажда исторической правды руководят сегодня нашими делами, помыслами и надеждами. Если бы этого не было, я бы не взялся за книгу о Жукове. Я глубоко уверен: новый курс нашей жизни будет служить для меня вдохновением.

– Какая предварительная работа вами проделана, на что опираетесь?

– Ну первое – собственный опыт войны. Врага я видел лицом к лицу, а это много значит для понимания и частностей, и общей стратегии той великой исторической схватки.

Второе: и после войны я остался человеком военным. Окончил академию имени Фрунзе, ВАК Генерального штаба. Шесть лет работал в Генеральном штабе. В те годы как раз обобщался, изучался опыт войны, писались новые уставы. Комиссии возглавляли маршалы Конев, Рокоссовский, другие видные полководцы, членами комиссий были офицеры разных управлений. Одним из таких представителей был и я. Проводились опытные учения. Я бывал на них и там встречался с замечательными творцами нашей Победы. И, что немало важно, смотрел на них уже глазами писателя. Характер этих людей мне не надо угадывать, вглядываясь в фотографии.

Третье... Видите эти полки и эти горы книг с закладками? Все – о войне. Исследования и мемуары на русском, английском, немецком. Уже многие годы это основное мое чтение.

Четвертое – архивные документы. Наши, немецкие. Будучи в Соединенных Штатах, я пользовался книгами библиотеки конгресса. Во время неоднократных поездок в Англию посетил архив военного музея, военную академию, беседовал с участниками сражений на Западном фронте – генералами, адмиралами, рядовыми. Таким образом, я имею представление о том, какого мнения были наши союзники о маршале Жукове, что писалось о нас во время войны и после нее.

И еще. Запасаясь «человеческим материалом», не только читал, а беседовал со многими, кто знал Жукова, – с его родными, друзьями, сослуживцами, писателями, журналистами.

Наконец, десятилетняя работа над «Полководцем» дала мне многое в понимании войны. Нарботанный за эти годы материал сейчас в моем распоряжении... Я могу оказаться в затруднении не от недостатка материалов для книги, а скорее от его избыточности.

– Вспомним вашу военную юность. Когда имя Жукова стало хорошо известно в войсках? Как вы, фронтовой разведчик, лейтенант, с позиции того времени, обстановки и своего возраста воспринимали маршала? Военачальники, известно, его побаивались, а как воспринимали Жукова те, кто с ним не соприкасался?

– Вы знаете, все, кто воевал, помнят крылатую фразу тех лет: «Где Жуков – там победа!» Так и было. И познавали армия и страна талантливого военачальника с первых наших удач.

Есть в этом узнавании одна особая веха. Генерал Д. И. Ортенберг, бывший редактор «Красной звезды», в своих воспоминаниях пишет, как Сталин осенью 1941 года приказал опубликовать в газете фотографию Жукова. Это примечательный факт. Это значит – Верховный Главнокомандующий хотел, чтобы оборонявшие Москву знали, кто ими командует. За плечами Жукова к этому моменту войны были: Халхин-Гол, Ельня, стабилизация положения в Ленинграде... Оборона Москвы показала: Жуков способен успешно решать самые сложные, самые ответственные задачи войны. Авторитет его после московской битвы стал громадным...

Да, Жуков был строг, даже суров – время было строгое и суровое. Слухи об этой строгости доходили, конечно, до солдат и до лейтенантов. Но могла ли эта строгость быть огорчительной для рядового труженика войны? Наоборот, солдат думал: с начальства строго спрашивают, значит, порядка будет больше и, значит, ближе успех. Примерно так и я воспринимал тогда Жукова.

– *В общих чертах биография Жукова и путь Жукова-полководца известны. Что нового, неожиданного узнали вы, собирая материал для книги?*

– Особых неожиданностей, пожалуй, не было. Но кое-что все-таки остановило внимание. Например, образование маршала. Официальное образование – кавалерийские курсы – не бог весть что. Но Жуков образован был по высшему классу военной науки. Каким образом? Самообразование! Неустанная самостоятельная учеба. Талантливому целеустремленному человеку такая учеба дает очень много. Примеры: Горький, университетом которого была жизнь, и можно назвать целый ряд других людей-самородков. Жуков принадлежал к этому ряду. Учился он жадно до войны и во время войны. Одного таланта для успеха в гигантском столкновении сил было недостаточно. Для оценки возникающих и быстро меняющихся ситуаций войны, для принятия безошибочных решений стратегического масштаба нужны были глубокие знания. И Жуков имел их. Знания в сочетании с волей и ярко выраженным талантом военного стратега и полководца сделали Жукова самой яркой фигурой минувшей войны.

– *Документальное повествование ставит перед писателем жесткие рамки...*

– Да, приходится строго держаться фактов. И тут работа сильно отличается от работы над художественной повестью или романом. Но не следует думать, что эта работа скучна для писателя, а следовательно, и для читателя. В документалистике заложены громадные возможности. Отбор фактов, их комментарии и осмысление, преодоление конъюнктурных и субъективных трактовок – есть творчество. Мозаика из разного рода документальных материалов может быть выразительной и яркой, с острыми драматическими и даже трагическими моментами. Однако роль лишь «композитора» фактов меня не устраивает. Работая над «Полководцем», я искал в повествовании и место художнику. «Лирический герой», то есть я сам, – участник событий, имеет право по тому или иному поводу на сердечный ответственный разговор с читателем. Не выходя за рамки фактов, важно показать свое личное толкование происходившего. Стремление к выразительности, эмоциональная окраска тех или иных моментов не противопоказаны документалистике. Но чтобы действовать безошибочно, я должен досконально, глубоко знать характер своего героя и суть событий.

– *О характере Жукова... Какие черты его вы считаете главными?*

– Твердость, железная воля, целеустремленность. Верно определив цель, Жуков всегда ее достигал. Этот человек не знал чувства растерянности. Чем сложнее была обстановка, тем собраннее и решительнее он был... Особо надо сказать о мощном интеллекте Жукова. Его

способность в короткое время перерабатывать громадное количество информации – думать и за себя, и за противника – отмечают все, кто знал Жукова на войне.

– *Владимир Васильевич, вряд ли кто-нибудь внимательнее, чем вы, читал книгу Георгия Константиновича «Воспоминания и размышления». Ваше отношение к ней?*

– Это хорошая книга, ценнейшее свидетельство о личности автора и о войне. У меня она, как видите, на самом почетном месте. Но я обязан видеть и то, чего книга коснулась и чего не коснулась. Как все мемуары, «Воспоминания и размышления» неизбежно несут на себе печать времени, в которое они писались и издавались. Жуков был человеком прямым и честным. Но существовали редакторы, правщики, консультанты. Во всех мемуарах они свой след оставляли. Иногда это был след мужества, а иногда трусости. Это надо не упускать из виду. Кроме того, человек, пишущий мемуары, часто не может посмотреть на себя со стороны. Мемуарист обязан быть сдержанным, когда явно в том или ином случае заслуживает похвалы... Мне кажется, я должен сказать то, что Жуков не мог сказать сам о себе, причем и хорошее, и отрицательное. Как в каждом человеке, было в нем и то, и другое.

– *Жуков и Сталин. Это были большие личности. Известно их столкновение в первый период войны. Потом понимание и сотрудничество до Победы. Потом Сталин снова отдал от себя Жукова. На какой основе это происходило? Каким будет ваш взгляд на послевоенное положение маршала? Руководили Сталиным соображения высокого порядка либо это был акт произвола, продиктованный, возможно, просто человеческой завистью к громадной популярности Жукова у народа?*

– Ответить на этот вопрос безошибочно мне сейчас трудно. Не все еще знаю, не все как следует еще осмыслил. Для меня самого этот вопрос еще остается вопросом. Но я твердо стою на том, чтобы не обойти горькие моменты послевоенной судьбы моего героя.

Если заглянуть в дали истории, мы увидим: Жуков не первый из полководцев, испивший чашу несправедливости. Но та же история свидетельствует: все со временем неизбежно становилось на свое место. Неизбежно! Я думаю, мы сейчас находимся на рубеже, когда все будет становиться на свое место.

– *Да, честность и гласность касаются не только текущих моментов нашего бытия, но также истории. В своей работе, Владимир Васильевич, выступая биографом Жукова, вы неизбежно будете и историком Великой Отечественной войны. Какие перекосы, искажения в толковании разных моментов войны вам хотелось бы поправить и уточнить?*

– Хочется обо всем написать так, как оно было. И я думаю, что буду действовать в согласии со всеми, кто считает: приписывание после войны всех заслуг в достижении Победы только Сталину – это несправедливость и искажение правды. С другой стороны, после «развенчания» делали вид, что Сталин не играл решающей роли в руководстве войной, – это тоже неправда.

Позже пристрастное толкование некоторых моментов войны также шло вразрез с истиной. И это не безобидное дело. Искажение истории в угоду кому бы то ни было всегда приносит нравственные убытки. Мы все знаем истоки этих ошибок и должны наконец научиться их избегать. Все ведь, как видим, неизбежно становится на свое место.

– *Немецкие военачальники... Среди них были тоже небесталанные. На каком этапе войны они заметили Жукова? Есть ли какие-нибудь письменные свидетельства признания, что в той или иной операции им противостоял человек, с выдающимися способностями которого надо было считаться?*

– Как фронтовой разведчик, могу сказать, немецкой разведке в качестве важнейшей задачи вменялось узнать: не находится ли в войсках на этом участке фронта Жуков? Его присутствие означало переход в наступление и нанесение главного удара именно здесь. Ну и руководство сражением, они понимали, будет у нас находиться в крепких руках. Чтобы не дать врагу важной для него информации, Жуков появлялся на фронте под другой фамилией.

Немецкие штабы, несомненно, заметили Жукова уже в сражении на Халхин-Голе. Он провел там блестящую операцию, не заметить которую было просто невозможно.

Несомненно, немецких высших командиров личность Жукова очень интересовала. Это был человек, от которого они потерпели немало поражений. Все, кто присутствовал на подписании акта о капитуляции фашистской Германии, обратили внимание, с какой жадностью «ел глазами» маршала Жукова впервые его увидевший Кейтель. В мемуарах фашистские генералы единодушны в оценке Жукова как самой яркой личности Второй мировой войны.

– Немецкие штабы, немецкие военачальники, документы, составленные по ту сторону линии фронта, будут тоже представлены в «мозаике» вашего повествования?

– Да. И это важный момент построения книги. Показывая, например, штаб Жукова в каком-то сражении, рассказывая о решениях и усилиях в этот ответственный час, важно показать, что было в это время в стане наших врагов. Ставка Верховного Главнокомандующего в Москве или штаб фронта Жукова и ставка Гитлера – два взгляда на события, развивающиеся на фронтах. Такая «стереоскопичность» мне представляется важной в рассказе о войне и ее главных действующих лицах... При этом я не намерен упрощать и тем более окрикуривать наших врагов. Мы имели дело с очень сильным противником. И в этом величие нашей Победы. Георгий Константинович постоянно настаивал именно так оценивать итоги сражений и итоги войны.

– Живы еще многие люди, которые знали Жукова. Их свидетельства очень ценны. Кому вы особенно благодарны?

– Я разговаривал со многими. А когда стало известно, что работаю над книгой о Жукове, моя ежедневная почта сразу же возросла. И я еще раз увидел, как высоко наш народ ценит Жукова, как хорошо понимает его роль в Отечественной войне. В письмах много иногда небольших, но ценных для меня сведений о полководце.

Очень важными были беседы с маршалом Баграмяном. Иван Христофорович хорошо знал Жукова еще с довоенного времени, прошел с ним войну. Он восхищался Жуковым и много важного мне рассказал...

Недавно, 8 ноября, умер Вячеслав Михайлович Молотов. Умер на 97-м году жизни. Последние десять лет я был частым гостем в его доме. Долгая жизнь этого человека впитала много важных событий. У Вячеслава Михайловича была хорошая память. От него я много узнал о войне, об исторических личностях той суровой поры. Он ведь работал рядом со Сталиным. Ему довелось встречаться и с Гитлером. У него были независимые суждения о многом из пережитого. Беседы с ним для меня чрезвычайно важны.

– Владимир Васильевич, а если бы перед вами сидел сейчас Жуков. О чем бы вы спросили его в первую очередь?

– Затрудняюсь сказать. Вопросов к Жукову у меня очень много.

– Но вы ведь встречались с ним. Расскажите...

– Я видел его много раз на совещаниях в Генштабе, на учениях. А личных встреч, чтобы именно со мной он говорил, было две, две короткие встречи. Тогда я еще не думал, что буду

писать о нем. Но, как человек пишущий, интересовался Жуковым не просто так, а глядел, как говорится, писательским оком.

Первая встреча случилась в июне 1945 года. Готовился Парад Победы. Репетиция проводилась на поле Центрального аэродрома, там, где сейчас расположен Московский аэровокзал. Летное поле было размечено по размерам Красной площади, Мавзолей, ГУМ, Исторический музей обозначены флажками. Представьте себе построение сводных полков, от каждого фронта – полк. Мне двадцать четыре года. Я – знаменосец в своей колонне. Стою крайним. И вижу, как на белой лошади приближается Жуков. Остановился он рядом со мной – поздороваться и поздравить наш полк. Остановился и стал уточнять что-то у сопровождавшего генерала. Конь под ним приплясывает и вот-вот наступит мне на ногу. Чтобы избежать этого, я по-военному четко сделал шаг в сторону. Взглянув на мои награды, Жуков сказал с усмешкой: «Ну вот, герой, а лошади испугался!» Я ответил: «На фронте цел остался, а на параде конь ноги оттопчет?» Маршал улыбнулся, махнул рукой и поскакал дальше вдоль строя.

Такой была первая встреча. Вторая случилась через несколько лет. Я, подполковник Генерального штаба, был направлен в командировку в Уральский военный округ. Командующим округом в те годы был Жуков. Выполнив поручение, я должен был доложить об этом начальнику штаба округа. Что и сделал. Но хотелось увидеть Жукова. Я сказал об этом начальнику штаба, и он понимающе улыбнулся: «Иди докладывай, если примет».

В приемной маршала ждал полковник из управления ГСМ (горюче-смазочные материалы). Адьютант пригласил нас в кабинет вместе. Жукова мы увидели поседевшим и располневшим. Он сделал нам знак садиться, спросил о цели визита.

Полковник из ГСМ стал докладывать первым и то ли увлекся, то ли хотелось ему свою особую наблюдательность показать, но говорил он о мелочах и длинно. Жуков, чуть наклонив голову, внимательно слушал, не перебивал. Потом спросил: «Все?» Полковник сказал: «Так точно». Жуков молча набрал номер начальника отдела ГСМ. И, назвав его по имени-отчеству, сказал: «Я очень тебя прошу, не присылай ко мне таких...» Полковника, думаю, бросило в жар, а я похолодел – теперь была моя очередь докладывать... Уложился я, помню, в пять-шесть минут. Жуков внимательно меня разглядывал, спросил: «Героя за что получил?» Я сказал. «Да, разведка – дело нелегкое...» – он как-то сразу повеселел, помягчел. Прощаясь, вышел из-за стола, пожал руку... Такой была встреча в Свердловске.

Вы-то, Василий Михайлович, с Жуковым встречались не один раз...

– Встречался. Для вас я с радостью и как можно подробнее все опишу. Тут же уместны только штрихи.

В 1970 году Жуков согласился дать интервью для нашей газеты. Я увидел седого, обремененного годами и болезнями человека. Спокойного, полного достоинства.

Потом я несколько раз бывал в загородном доме Жукова. Был он по болезни и жизненным обстоятельствам одинок, общался практически только с родными. Но хорошо помню: по разным поводам ему звонил Алексей Николаевич Косыгин. Я был свидетелем сердечного, дружеского разговора двух уважающих друг друга людей...

В один из приездов Жуков сказал: «Был Конев. Приезжал объясниться по поводу одного горького послевоенного факта. Я сказал ему: забудем! Это мелочь в сравнении с тем, что мы сделали. Мы обнялись как старые боевые товарищи». Так подводились жизненные итоги...

Жуков любил природу. Был завзятым охотником и рыболовом. Помню, сколько искренней радости доставляли ему подаренные пластинки с записью голосов птиц. Мир его был уже ограничен домом и садом. Голоса журавлей, жаворонков, перепелок были последней

маленькой радостью, которую на пороге небытия ценят одинаково и солдаты, и маршалы...

– Интересно! Все интересно и важно.

– *Спасибо вам, Владимир Васильевич. Все, кто прочтет эту нашу беседу, уверен, мысленно пожелают успехов в вашей работе и будут ждать ее окончания. И наверняка найдутся еще люди, которым есть что вам рассказать, есть чем поделиться.*

Всем миром желаем успеха!

1986 г.

Рядом с полководцем

Я познакомился с ними на премьере идущего сейчас фильма «Маршал Жуков». Рядом сидели люди нескольких поколений. Внук Жукова, шестилетний Георгий, в момент, когда дед его в Берлине подписывал акт, означавший конец войны, горячим шепотом выпрашивал у меня: чем отличается заяц-русак от зайца-беляка? – передача «В мире животных» его пока интересовала больше, чем биография деда. Младшая дочь маршала призналась: «Только теперь по-настоящему начала понимать, что такое война и какая ноша досталась отцу».

Еще два человека, сидевшие рядом, не отрывали глаз от экрана. Для них война была частью их биографии, а Жукова они знали не по газетным снимкам. В течение всей войны до последнего дня они были с маршалом рядом. Один был шофером Жукова, на другом лежала обязанность офицера для поручений.

В 1970 году я беседовал с маршалом. Жуков был интересен мне не только как полководец, но и как человек. Однако многие вопросы задать не пришлось – Жуков был болен, говорили о самом главном.

Теперь передо мной сидят люди, которые были спутниками Жукова на войне, проехали с ним многие тысячи километров, ночевали рядом с ним в блиндажах, знают его характер, знают военные будни маршала.

Шофера зовут Бучин Александр Николаевич. Я поразился, узнав, что он шофером работает до сих пор – в зарубежные рейсы водит громадные автовагоны. Шоферу – шестьдесят семь. Рейсы длятся по две недели. «Не тяжело?» Улыбается: «Закален...» В начале войны ему было двадцать четыре. На давнем снимке – чернявый подтянутый лейтенант. Присмотрел шофера Жуков под Ельней. И, увидев его в работе, уже не отпускал от себя всю войну и даже после войны. Александр Николаевич награжден орденами и медалями. С особой гордостью показал он книгу воспоминаний Жукова с надписью «Уважаемому Александру Николаевичу Бучину, моему лучшему шоферу, безупречно прошедшему со мной все дороги фронтов Великой Отечественной войны».

Николай Харлампиевич Бедов старше своего друга. Он уже вышел на пенсию, жалуется на нездоровье. Но не утрачено главное – память. Я подивился его способности с ходу называть даты, города и местечки, имена людей, номера частей, связанных с пребыванием Жукова.

Обязанности у майора Бедова были не из простых. Он был начальником охраны маршала и офицером для поручений. Он обязан был сопровождать Жукова всюду, быть с ним рядом с любую минуту. Так и было. Везде. Вот один из самых последних снимков: Жуков, Монтгомери, Эйзенхауэр и тут же рядом с Жуковым – Бедов.

В кочевом быте войны на человека, охранявшего маршала, ложилось много житейских обязанностей: ночлег, еда, срочные поручения... Выполнял Николай Харлампиевич и еще одну добровольную миссию: был хроникером не только с записной книжкой, но и с фотокамерой. Он снимал Жукова в такой обстановке, в таких местах, где никто другой снимать не мог. Все пленки у этого фотографа-любителя целы. И они представляют громадную ценность. В фильме о Жукове использовано пятьдесят его снимков. Можно сказать с уверенностью, без этих непритязательных человеческих документов образ маршала в фильме был бы неполным.

Воспоминания Бучина и Бедова о дорогах войны чем-то схожи с этими любительскими снимками. Это штрихи к портрету, по которым маршала мы видим не в парадном мундире, а в полевой одежде, это хорошее дополнение ко всему, что мы знаем о Жукове по документам, по его книге воспоминаний, по воспоминаниям его соратников-полководцев. Беседуя с

военными спутниками маршала, я получил ответы на вопросы, которые мне хотелось в свое время задать маршалу.

В записи этой беседы ответы шофера Александра Николаевича Бучина для краткости помечены инициалами А. Н., Николая Харлампиевича Бедова инициалами Н. Х.

– *Самый первый вопрос. Большая дорога от Москвы до Берлина с ответвлениями, с возвращениями в Ставку, с переездами с одного участка фронта к другому... На чем ездили, как ездили?*

А.Н. За войну износили несколько очень крепких машин: «эмку», «бьюик»... Дольше всех послужил «хорьх». Ездили так скоро, как позволяли дороги. А они часто были в воронках от бомб. Кроме того, ночью едешь всегда без света. Николай Харлампиевич, бывали случаи, ложился на крыло автомобиля и освещал дорогу короткими вспышками фонарика...

– *Умел ли Жуков водить машину?*

А.Н. Нет. И не пробовал. Садился он всегда впереди, рядом с шофером. Был молчалив, озабочен. Всегда спешил. Всегда хотел возможно более короткой дороги. А мы обязаны были думать о минах. Путь выбирали более безопасный... Жуков нередко был «в помощниках» у меня. Он великолепно ориентировался и безошибочно говорил: сюда! Езду любил ровную, скорую. Но была опасность, особенно ночью, особенно под Москвой в 41-м, проскочить линию фронта, оказаться в расположении немцев. Я находился между двух огней: Жуков толкал ногой – «нажми!», а Николай Харлампиевич сзади незаметно, но твердо клал на плечо руку – «потихе!».

В машине часто обедали. Бывали случаи, спали в машине. В Кременчуг из-под Киева, с 1-го Украинского фронта на 2-й ехали, помню, с утра до ночи – 500 километров. По фронтовым дорогам это громадное расстояние. А на Калининском фронте, был случай, попали в такую распутицу, в таких увязали пробках – 50 километров ехали 8 часов.

Бывало, наш «Хорьх» останавливался в грязи. Даже тракторы увязали. А время не ждет. В таких случаях Жуков выходил и садился на броню проходившего танка. Николай Харлампиевич, естественно, рядом и пистолет на всякий случай достанет...

– *«Хорьх» – машина большая. Немецкие летчики, заметив ее, понимали, наверное, не лейтенант едет...*

А.Н. Нападению машина подверглась только однажды. Под Обоянью я вез на полевой аэродром маршала Василевского.

Были сумерки. Камуфлированная под снег машина выделялась на весеннем уже потемневшем шоссе, и «Мессершмитт» полоснул по нас трассирующими. Спрятаться негде – голое место. Я стал маневрировать. Василевский потом сказал Жукову: «Спаслись благодаря твоему шоферу». Эти слова Георгий Константинович передал мне как большую награду.

– *Вы были единственным шофером Жукова во время войны?*

А.Н. Нет, нас было несколько. Подменяли друг друга. Но я единственный в группе прошел весь путь от Москвы до Берлина.

Н.Х. Но следует знать, по мере того, как фронт от Москвы удалялся и роль Жукова в руководстве войной возрастала, для выездов на фронт стал снаряжаться специальный поезд. Это была подвижная штаб-квартира заместителя Верховного Главнокомандующего. Сзади и впереди – платформы с зенитками. Были в поезде вагоны связи, охраны, вагон-гараж, вагон, где находился штаб маршала.

Соблюдались, конечно, все меры секретности и предосторожности. У места назначения поезд тщательно маскировался. К разным местам на фронте ездили на машинах и возвращались на поезд.

Бомбежки? Попадали и под бомбежки. Особенно сильную помню в Курске. Велась ли охота за поездом маршала специально? Трудно сказать. В Перхушкове бомба попала в штаб Жукова. Посчитали – случайность. Но то же самое произошло на Калининском фронте. Случайностью можно считать то, что Жукова оба раза в штабе не оказалось.

– Приезд Жукова на фронт был всегда тайной?

Н.Х. Обязательно. После Московской битвы немцы уже хорошо знали цену Жукову. Появление его в войсках означало подготовку серьезного наступления. Георгий Константинович прибывал на фронт не под своей фамилией. Знаки различия были спрятаны под шинелью или плащом. Но к концу войны он выезжал в войска уже в маршальских погонах. Его узнавали в лицо даже солдаты. И это воодушевляло.

– Вы Жукова охраняли. А сам он имел какое-нибудь оружие? На дорогах ведь были и диверсанты, да и фронт рядом.

Н.Х. В начале войны был у него пистолет. Но весной в 42-м по пути на Калугу в леске спустило у нас колесо. Вылезли из машины подождать, пока Саша запаску поставит. Георгий Константинович говорит: «Давай постреляем...» Дает пять патронов. Себе тоже пять зарядил. Повесили на березе обломок фанеры, отмерили тридцать шагов. Стреляли по очереди. Оба попали. Но мое попадание было более кучным. Георгий Константинович улыбнулся и отдал мне свой пистолет. С тех пор в руках у него, кроме охотничьей двустволки, никакого оружия я не видел.

– Известна фраза Жукова: «А я, если дело того требовало, пахал животом землю у самой передовой». Вы-то, наверное, знаете, как это было?

Н.Х. Знаю, конечно. Во всех случаях я сопровождал маршала. Это было обычно перед каким-нибудь большим наступлением – Георгию Константиновичу важно было самому оценить местность, представить возможное развитие боя...

– Риск был серьезным?

Н.Х. Без нужды Жуков не рисковал. В его характере не было ничего показного. Был он человеком храбрым и мужественным. Во имя дела и себя не жалел, и с других спрашивал. Но на войне без риска нельзя. Был случай, когда мне лично небо показалось с овчинку. В боях на Курской дуге прежде, чем отдать приказ Ставки о наступлении Брянскому фронту, Жуков приехал к месту намеченного удара. Было это 11 июля 43-го года. Машину оставили в леске, примерно в километре от передовой. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М.М. Поповым. Уже у самой передовой сказал: «Теперь вы останьтесь, а я один...» Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел лощины и взгорки. А когда возвращались, как видно, были замечены немцами. Мины! Одна – впереди, другая – сзади. «Третья будет наша, прижимайся к земле!» При этих словах я рванулся и накрыл, как мне предписано было службой, маршала своим телом. Мина разорвалась в четырех метрах, к счастью, на взгорке – осколки верхом пошли.

Но взрывом нас сильно потрянуло. Георгий Константинович потерял слух. Осмотревший его в Москве профессор сказал, что надо лечь в госпиталь. «Какой госпиталь – столько забот!» Пришлось врачу-специалисту приехать на фронт. Тут и лечились месяца два.

– *Война одинаково тяжела была и солдату и маршалу. По вашим наблюдениям, в какие дни Жукову пришлось пережить наибольшее напряжение?*

Н.Х. Во время боев под Москвой. Спал он в сутки два-три часа. Когда немца отбросили и когда громадное напряжение спало, Жуков попросил часов десять его не будить. И вдруг серьезный звонок. Старший адъютант Медведев растерянно докладывает в телефон, что не смог Жукова добудиться. Часа через три спешно из штаба пришел генерал Соколовский. Говорит: опять звонит Сталин... Сам пришел к Жукову, но тоже вынужден был доложить: «Не можем разбудить...» Сталин будто бы сказал: «И не будите, пусть отоспится».

– *Вам приходилось выполнять поручения маршала. Какие?*

Н.Х. Да разве можно все перечислить! Ну, например, заехать в Москву к раненому Рокоссовскому, передать ему дружескую записку Жукова...

Или еще поручение. После победы под Сталинградом у всех на душе отлегло, все чувствовали: наступает на нашей улице праздник. Это чувство испытывал и Жуков, оно, как я понимаю, искало какой-то выход. Он попросил: «Что-то мне захотелось научиться играть на баяне. Подыскал бы ты мне учителя». Среди раненых я нашел паренька-баяниста. Играл хорошо. А учитель из парня не вышел. Робел перед маршалом. Нашел я неробкого – Ивана Усанова. Он за год, урывками, научил Георгия Константиновича игре на баяне... Вот любимые песни Жукова: «Коробейники», «Славное море, священный Байкал», «Темная ночь», «Соловьи».

В 1945 году в Берлин приехала Лидия Андреевна Русланова. После большого ее концерта встретились возле стола. Георгий Константинович попросил баян. Русланова пела, а Жуков аккомпанировал. «Для маршала совсем не плохо», – сказала Русланова.

– *На войне было всякое: победы и неудачи. Как проявлялся характер Жукова в разные дни войны?*

Н.Х. Никто никогда не видел его подавленным. Бывал он усталым, озабоченным. Подавленным – никогда! Чем острее, опаснее была ситуация, тем собранней, энергичней Жуков. А особую его радость мы наблюдали дважды. В 41-м году он радостным ехал в Москву из-под Ельни. Тяжелое время. Но основания для радости были. Одержана первая заметная победа над немцами. Для Жукова эта победа означала еще очевидность его правоты в возникшем возражении со стороны Сталина по вопросу контрудара на Ельнинском плацдарме. Мы в то время об этом разговоре, конечно, не знали. Но позднее стало понятно, сколь принципиально важна была для него победа в Ельцинской операции... А в мае 45-го года, в День Победы, я видел, как Жуков в кругу друзей пустился в пляс. Это был выход радости, всех тогда охватившей.

– *Часто приходится слышать о суровости Жукова. Ваши наблюдения на этот счет.*

Н.Х. Во-первых, надо помнить: само время войны было очень суровым. Громадная ответственность лежала тогда на каждом человеке. Суровая требовательность порядка, дисциплины, точности исполнения была нормой, иначе бы мы не победили.

Жуков был человеком требовательным. Но никаких поблажек он не делал в первую очередь для себя. Это давало ему моральное право с такой же мерой подходить и к другим. На Синявинских высотах в дни смертельной опасности для Ленинграда при мне Жукову докладывал командир одной дивизии. Доклад был беспомощным, чувствовалось: командир не знает как следует обстановки, растерян. Жуков обратился к начальнику штаба: «Доложите вы». И услышал толковую, ясную оценку сложившейся обстановки. Жуков сказал тогда полковнику: «Вам рано еще командовать дивизией». И начальнику штаба: «А вы немедленно

принимайте командование». Крутая мера? Да. Но она была оправдана, необходима – судьба Ленинграда в те дни висела на волоске.

Требовательность Жукова не различала чинов. Летом 44-го года во время подготовки к Белорусской операции в большом секрете проходило сосредоточение войск. Было запрещено всякое передвижение днем. Командующему авиационным объединением С.И. Руденко было приказано не допускать немецкие самолеты-разведчики в обусловленные районы. И вдруг наша машина на одной из дорог натывается на колонну идущих войск. И в этот же день Жуков увидел в небе вражеский высотный разведчик. При всех и очень строго выговорил он тогда Сергею Игнатьевичу Руденко – допущенные оплошности ставили под удар успех операции. Но когда операция началась и Руденко проявил инициативу, приведшую к крупному успеху, Жуков тут же, опять при всех, вручил ему золотые часы и тепло поблагодарил.

– Что больше всего он уважал в людях?

Н.Х. Смелость, решительность, правдивость и точность в оценке сложившейся обстановки. Без этого невозможно ведь что-либо планировать наверняка.

А.Н. Любил откровенность. Меня однажды неожиданно спрашивает: «Александр Николаевич, девкам-то небось хвалишься, что маршала возишь?» Я отвечаю: «От всех в секрете держу. Но одной рассказал...» Потрепал по плечу, улыбнулся: «Откровенность многое извиняет».

Н.Х. Ко всем в команде сопровождавших его людей Георгий Константинович относился одинаково равно. Но одного из наших – Михаила Егоровича Громова – отличал, называя иногда «Мишей». Это был почти ровесник Жукова и исключительной доброты человек. Я рекомендовал его Жукову как умелого парикмахера. Но Михаил Егорович в любой обстановке и быстро обед умел приготовить, вычистить и выгладить мундир, приготовить ночлег.

В Берлин после победы понаехали скульпторы, художники, композиторы. Всем, конечно, хотелось встретиться с Жуковым. Портрет маршала взялся писать Павел Корин. Дело требовало времени, а у Жукова его не было. Когда лицо для портрета было написано, Георгий Константинович позвал Громова: «Миша, надень мундир и посиди за меня...»

Миша надел мундир и сидел перед Кориным при всех маршальских регалиях.

– И фотографии... Несколько лет назад я просмотрел весь архив в доме Жукова. Бросилось в глаза почти полное отсутствие снимков начала войны...

Н.Х. Это понятно. В те тяжкие месяцы было не до фотографий. Жуков фотокорреспондентов и близко не подпускал. Снимал я один и то украдкой... Но летом в 43-м году, уже после сражений на Курской дуге, Жуков стал обращать внимание на мое появление с фотокамерой. Однажды спросил, что у меня получается. Посмотрев мою камеру, дал свою «лейку»: «Снимай, эта штука надежней».

– Какой из множества снимков считаете вы удачным? Где характер Жукова виден особо отчетливо?

Н.Х. Вот посмотрите. Это снято 17 апреля 1945 года. Наступление на Берлин. У Зееловских высот вышла тогда заминка. Немцы отчаянно сопротивлялись. Оборона их была очень крепкая. Именно тут, на самом трудном участке, наступали войска под командованием Жукова. Вопреки ожиданиям наступление затормозилось. Мало кому известно, что пережил в эти часы Георгий Константинович. Чувства были у него на лице. И я их видел. Ни в какой день войны Жуков не испытывал большего волнения. Снимок сделан, когда он вышел из блиндажа. Посмотрите, одна ладонь сжата в кулак, другая напряженно раскрыта. И лицо... Кажется, в эту минуту он готов был ринуться в бой вместе с солдатами...

– Говорил ли Жуков когда-нибудь о противнике?

Н.Х. С нами разговоров об этом было немного. Но мы знали, что Жуков держался правила не считать противника глупым. Я много раз присутствовал на допросе Жуковым пленных. Его многое интересовало...

Интересовали его и высшие немецкие военачальники. При мне он давал поручения разведке добыть ему сведения о личных качествах Гудериана, Клюге, Манштейна.

Личность Жукова, надо думать, тоже занимала немецкое командование. Константин Симонов пишет, что в момент подписания капитуляции Кейтель буквально пожирал глазами маршала Жукова. Я был в том же зале и могу подтвердить это верное наблюдение. Для Кейтеля Жуков был талантливый, победивший его противник. Но не только. В лице этого человека Кейтель, наверное, видел народ, на судьбу которого покусился фашизм, но который судьбу свою отстоял.

Выходец из самой гущи народной, Георгий Константинович Жуков был действительно ярким, талантливым представителем народа. Для нас, близко знавших Жукова, годы, проведенные с ним, – главная, самая существенная часть жизни. И мы судьбе благодарны за это.

1985 г.

Ельня

Кружочек Ельни вы найдете на карте юго-восточной Смоленска. Обратите внимание: Ельня – перекресток дорог и место, откуда берут начало многие реки. Синие хвостики убегают от Ельни на карте в разные стороны. Десна и Остер текут на юг, Хмара – на запад, Угра – на восток. Ельня стоит в центре возвышенности. Верховые болота соседствуют тут с холмами. Густая зелень низин оттеняется желтизной ржаных и овсяных полей. Лесов, вопреки ожиданию (Ельня!), немного. Леса кудрявые, невысокие – ольха, береза, осина. Но Ельня не зря имела на гербе три ели. Город родился в гуще еловых боров. Главным богатством края были «леса и глины». На шумные ярмарки в Ельню съезжались колесники, бондари, гончары, лыкодеры. Ель затрещала под топором, как только легла через Ельню рельсовая дорога. Старожилы еще помнят лесопромышленников Левыко и Сухино, «ставивших бочки вина мужикам» и гнавших здешнюю ель в степные районы, на Орел и Козлов.

Леса валили и после войны. Маленький город война спалила, сровняла с землей. Лес рубили на местные нужды и для лежавшего в пепле Смоленска. Так постепенно лесная Ельня стала городом полевым.

Городок этот древний (упомянут впервые в 1150 году), но искать старины тут не следует. Война поглотила и камень, и дерево. От Ельни осталось лишь место, где заново («начинали с землянок») был выстроен городок. Роль архитектора в этой застройке – «не до жиру, быть бы живу» – была очень скромной. «Мы вторые за Ленинградом: посмотрите, улицы все – по линейке», – улыбнулся мой провожатый.

И все-таки есть в городе милая прелесть небогатого, глуховатого, однако прочно обжитого и щедро озелененного места. Единственный пятиэтажный дом выглядит тут небоскребом. Все остальные постройки укутаны липами, тополями, кленами и березами. Вдоль улиц посажен шиповник. За заборами во дворе желтеют подсолнухи, синеют капуста, головки мака, пахнет укропом, помидорной ботвой, смолой от накаленных солнцем колотых дров. С забора тебя провожает глазами ленивый, не понимающий, что живет не в деревне, а в городе, кот.

По части «окружающей среды» все тут пока что благополучно. Ельня варит сыры, шьет из хлопковой ткани рубашонки и «ползунки» для детишек, снабжает поредевшее гужевое хозяйство России телегами и санями. Все, вместе взятое, производство не отравляет воздух, не загрязняет текущую через город Десну, не создает шума, однако ничего почти не дает в коммунальный кошель городка. И местные власти находятся на распутье: заманчиво залучить, посадить в городке какое-нибудь предприятие – будут места для работы, будут городские удобства. Но, наезжая в соседние городки, власти не могут не видеть: за удобства в домах заплатить придется «средою». И пока что обозный завод (200 рабочих, в год – 8500 телег) – основное предприятие Ельни, которого местный музей почему-то стыдится: на стенах представлена вся городская продукция, исключая телегу. А между тем заводик из семнадцати ему подобных на самом хорошем счету в государстве – «низкая себестоимость изделий, сносное качество, умение сделать телегу по любому заказу». Директор завода назвал мне больше десятка фильмов, в которых снимались повозки прежних времен, либо целый обоз из телег, специально сработанных в Ельне...

Среди знаменитых людей, либо живших в этом краю, либо посетивших Ельню в исторически важное время, вам назовут фельдмаршала Кутузова, маршала Жукова, композитора Глинку, поэтов Исаковского и Твардовского... Исаковский в здешнем уезде родился, два года редактировал ельнинскую газету и до смерти сохранил нежность к этой земле – «Край мой смоленский, край мой родимый! Здесь моя юность когда-то бродила». Твардовский рожден и крещен был в здешнем краю, учился тут грамоте, написал первые стихи и уже знамени-

тым много раз приезжал в Ельню. «Страну Муравию» впервые прочитал здесь. Писал позже о том, что Никиту Моргунка встретил на шумной ельнинской ярмарке. И родиной главного героя Василия Теркина он тоже считал окрестности Ельни. Вспомним поэму (Теркин с боями идет по родной стороне: «Здравствуй, пестрая осинка, ранней осени краса, здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка, здравствуй, речка Лучеса...»).

Восемь веков истории Ельни в тихих еловых лесах тихими не были. Великие бури накрывали маленький городок. Сюда дотянулась рука ордынского хана, позднее Ельня попала под иго Литвы и Польши, множество раз сжигалась и разорялась. В партизанской войне с войсками Наполеона здешние чащи укрывали Дениса Давыдова. Но главное испытание и громкая слава выпали Ельне в веке текущем, в 41-м его году.

На генеральных картах штабов немецких и наших в августе 41-го года район, прилегающий к Ельне, считался важнейшим и напряженным пунктом войны. Шло драматическое Смоленское сражение. В этом районе фашистская армия, наступая, несла большие потери и в конце концов, хоть и временно, забуксовала, остановилась. «Это был... первый в истории Второй мировой войны случай вынужденной обороны гитлеровских войск на главном стратегическом направлении» (Г.К. Жуков, «Воспоминания и размышления»).

Глядя сейчас на карту фронтовой обстановки тех дней, даже и невоенный человек сразу заметит юго-восточней Смоленска выступ фронта, обращенный прямо к Москве. По обводу этого выступа (десятки километров в ширину и длину) ни на минуту не утихали бои. «Позднее стало известно, что, ссылаясь на тяжелые потери, командование группы армий «Центр» просило у Гитлера разрешения оставить ельнинский выступ. Но гитлеровское руководство эту просьбу отклонило: район Ельни рассматривался как выгодный плацдарм для нанесения удара в дальнейшем наступлении на Москву» (Г. К. Жуков).

В Москве значение «выступа» тоже вполне понимали. Читая воспоминания маршала, мы чувствуем драматизм и крайнюю сложность обстановки тех дней. Ельнинский выступ был только частью проблем, при оценке которых мнения Сталина и Жукова не вполне совпадали. После крутого, нелегкого разговора Жуков сказал, что хотел бы быть в действующей армии. Эту просьбу его, освобождая с поста начальника Генерального штаба, Сталин удовлетворил с поручением руководства войсками Резервного фронта в верховьях Днепра и ликвидацией выступа.

Вот так получилось, что Ельня стала местом первого испытания полководца. На склоне лет, давая оценку всему пережитому, Жуков писал: «Ельнинская операция была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-стратегических способностей в большой войне с гитлеровской Германией. Думаю, каждому понятно, с каким волнением, особой осмотрительностью и вниманием я приступил к ее организации и проведению».

Ельнинскую возвышенность со многими ее высотами немцы превратили в хорошо укрепленный район. По фронту и в глубине обороны в землю были зарыты танки, артиллерия, штурмовые орудия, низины между холмами перекрывались пулеметным и минометным огнем, были густо минированы, затянута колючей проволокой. Непрерывные, но не успешные попытки нашей 24-й армии сдвинуть противника стоили многих потерь, войска были измотаны, обессилены. Нужны были сильная воля и вера в победу, способность внушить командирам и всем, кто дрался у выступа, мысль о возможности успеха.

Военные историки хорошо теперь изучили эту не очень большую в масштабах войны, но очень важную на фоне событий лета 41-го года операцию. Времени на ее подготовку было немного – менее двух недель. Но сделано было все возможное для успеха: намечен план операции (два встречных удара в основание «выступа»), тайне группировались войска, тщательно были разведаны огневые точки врага, инженерные сооружения, выявлены слабые и сильные стороны обороны.

Решительное сражение началось 30 августа и длилось, не затихая, по 8-е число сентября. Не быстро, по километру, по два за сутки, атаковавшие двигались в глубь обороны врага, и скоро немцы поняли, что взяты в клещи. Бои тут были кровопролитными, потери большими с обеих сторон. «Противник противопоставил нашим наступавшим дивизиям хорошо организованный плотный артиллерийский и минометный огонь. Со своей стороны, мы также ввели в дело наличную авиацию, танки, артиллерию и реактивные минометы» (Г. К. Жуков).

Пытаясь спасти положение, немцы спешно двинули к Ельне отборные свежие силы. Но ничего не могло уже остановить порыв наступавших. И, пожалуй, впервые немцы узнали не только мужество противника, но и почувствовали «грамотную войну» – наступавшие хорошо взаимодействовали, умело маневрировали, точно вели огонь, захватив орудия, били врага его же снарядами и готовы были замкнуть уже клещи первого за войну окружения. В узенький коридор немцы еле-еле успели вывести остатки потрепанных войск. 6 сентября наши первые батальоны ворвались в Ельню, а два дня спустя с ельнинским выступом было покончено. Потери наши в этих боях были большими, но и немцам это сражение стоило более сорока пяти тысяч солдат.

Радостным в горькое лето 41-го года был этот успех под Ельней. Появилась точка опоры под Ельней. Появилась точка опоры в оценке наших возможностей. Убедительно было доказано: можем не только обороняться, можем уверенно наступать, можем гнать немцев, брать в окружение, можем воевать не только самоотверженно, но и умело, талантливо.

Ельнинская операция родила много героев. Нынешнему читателю мало что могут сказать номера полков и дивизий, штурмовавших холмы под Ельней. Но на этом вот цифровом перечне внимание надо остановить. Дивизии 100, 127, 107 и 120-я дрались под Ельней особо успешно. Жуков, вернувшись в Москву, доложил об этом Главнокомандующему. «Сталин внимательно слушал и что-то коротко заносил в свою записную книжку, затем сказал:

– Молодцы! Это именно то, что нам теперь так нужно» (Г. К. Жуков).

В сентябре приказами народного комиссара обороны СССР перечисленные дивизии были поименованы гвардейскими. Так родилась советская гвардия. Это звание, отличаясь в боях, получили потом тысячи соединений сухопутных, авиационных, морских. От гвардии старой России и многих стран («Привилегированные, отборные части войска») советская гвардия отличалась тем, что только испытание боем, доблесть в сражении давали право воину называться гвардейцем. И привилегия новой гвардии была лишь одна – находиться впереди в грядущих боях. Свои знамена гвардейцы донесли до Берлина. А начиналась эта мощная сила на холмах Ельни.

Смоленский городок с гордостью носит звание родины гвардии. В самом центре его стоит обелиск, напоминающий о событиях лета и осени 41-го года. В местном музее – реликвии битвы за Ельню, портреты героев. Среди них мы видим и маршала Жукова. Он по праву считается в первой шеренге гвардейцев. Его авторитет полководца по возвращении из-под Ельни укрепился и вырос. Ставкой Жуков был сразу же послан на новый, крайне тяжелый участок фронта – под Ленинград. И в ту же осень была Московская битва...

Многие города считают Жукова почетным своим гражданином. И Ельня тоже. Среди экспонатов музея рядом с истлевшими в земле пулеметами, штыками, осколками бомб и снарядными гильзами лежит рубашка с полевыми погонами маршала. Она прислана Жуковым в Ельню незадолго до смерти.

В Ельне я увиделся с человеком, который тут воевал. Им оказался пулеметчик 107-й гвардейской дивизии Иван Федорович Неудахин. Для этого уроженца Сибири Ельня с 41-го года стала судьбой. Тут в жестоких летне-осенних боях он отличился. Был ранен. Воевал потом под Орлом, у Тулы, под Москвою у Рузы, на Калининском фронте под Ржевом. После второго ранения санитарка в госпитале (тоже раненая) сказала потерявшему глаз пулемет-

чику: Иван, а поедем-ка в Ельню, ко мне на родину. И они приехали в Ельню в 43-м году. «Имущество: у нее шинель и юбка, у меня шинель и штаны. И дите на руках. Жить начали во фронтовом блиндаже. Через год срубили избенку».

И вот почти сорок лет Иван Неудахин живет и работает в Ельне. В первые годы был трактористом – заготавливал лес на строительство в тех же местах, где лежал с пулеметом. «Подорвался в лесу на mine. Трактор списали, а я оказался живучим». Строил гвардеец в Ельне сыроварный завод, работал в школе завхозом, «на почте служил ямщиком» – развозил газеты, посылки и письма по дальним ельнинским деревням. Вышел на пенсию. Но последние годы снова работает, возглавляет районный ОСВОД (Общество спасения на водах). «Сам по себе и начальник, и подчиненный – одна штатная единица».

Характер у бывшего гвардии пулеметчика остался солдатским, причем с чертами Василия Теркина и того солдата из сказки, который суп из топора сварит и огниво добудет, несмотря на препятствия. Над фамилией своей Иван Федорович посмеивается: «Неудахин... А я как раз удачлив во всем. Все перевозмог, – говорит он с гордостью, на какую имеет полное право, – землю свою защитил, сына вырастил, внуков вынянчил и пока еще хоть куда – хоть по ягоде, хоть по орехи».

Лето и осень 41-го года – особая часть «ельнинской биографии» Неудахина. И он ничего не забыл из пережитого тут. На «газике» мы поехали по деревням, окаймляющим город, точно следуя карте кипевшего тут сражения. Но солдат и без карты помнит все бугорки и лощины, политые кровью. У деревни Ушаково он показал оплывший окоп и место, где стоял его пулемет. «Высотка с деревней восемь раз переходила из рук в руки. Дрались врукопашную лопатами и штыками. Я тут много патронов спалил. Наши лежали на склоне снегами, но и немцу мы показали кузькину мать. Он с неба гвоздил самолетами, а мы полыхали «катюшей».

Опираясь на палку, Иван Федорович ведет меня вдоль заросших траншей на высоте. «Отсюда на семь километров все видно. И на семь километров почти по кругу вся местность простреливалась. Железа тут!..» Подрезаем лопатой уже задерненную землю, и на ладонь вместе с божьими коровками и муравьиными яйцами падают ржавые гильзы, осколки бомб и снарядов. «Семьсот жизней стоила эта высотка. Все лежат вот тут, под березами...»

У деревни Садки Иван Федорович показал место, где полз с пулеметом из оврага по полю к деревне Митино. «На этом вот месте стоял сарай. Оттуда немец ударил из пулемета. И две мины, помню, сзади меня взорвались. Вот следы, посмотрите». Два места, где сорок лет назад взорвались мины, обозначены на траве кругами темно-зеленой крапивы и лебеды. В воронках от бомб на склоне оврага, как в площадях, растут высокие ольхи. В сосне наверху – осколок снаряда. И такие следы у каждой деревни, где сжималось кольцо окружения немцев...

«Под Орлом я едва не заплакал, когда узнал, что Ельню мы снова отдали. Думал: за что же там полегли? И только потом рядовым умом своим понял: очень важной, очень нужной была наша стойкость под Ельней».

Иван Федорович не первый раз проходит местами боев. «Сначала самого любопытство брало: что там и как? Потом водил военных историков. Приезжали однополчане. В прошлом году приехали земляки из Сибири, сироты из детдома: покажи, дядя Ваня, где воевал. Все показал. Приютил девушек у себя в доме. Вместе в земле покопались, нашли в ней кое-что для музея. Сам я тоже Сибирь навестил. Встретил там своего командира Батракова Матвея Степановича. Старый уже. Обнял меня: Ельню, говорит, никогда не забуду! У него, между прочим, за Ельню и знак гвардейца, и Золотая Звезда».

Этим летом Ельня жила двумя новостями. Новость первая и большая: город, где родилась гвардия, награжден орденом Отечественной войны. Новость вторая, небольшая, но трогательная: неожиданно и впервые в истории города, в самом центре его, в городском парке

загнездилась парочка аистов. И где загнездилась – на самом верху монумента гвардейцам! Городские власти попали в трудное положение. С одной стороны, милые сердцу птицы, с другой – гнездо-то на монументе. Решили было гнездо передвинуть на специально поставленный столб. Но столб кто-то ночью распилил и унес. Позвонили в Смоленск: как быть? Там сказали: решайте сами... Судили-рядили, спорили, а аисты между тем гнездо достроили, вывели в нем птенцов и стали любимцами ельничан. Человеческое чувство воедино соединило и птиц, и монумент, и вести об ордене Ельне. Поток людей к монументу был небывалым. Старушки видели в аистах знаки памяти о погибших, молодежь собиралась фотографировать птиц, матери приводили к монументу детей. Приехал скульптор и, говорят, прослезился: «Это же замечательно!»

В Ельне я был в момент, когда аисты-старики парили над городом, а две молодые птицы уже пробовали крылья в гнезде. На дорожках парка ельничане оживленно гадали: улетят птицы или останутся до момента, когда в город съедутся гости? Всем хотелось, чтобы остались.

В августе Ельня готовилась принять награду, готовилась почтить мужество тех, кто сражался за город в суровом 41-м году, готовилась отметить славную годовщину рождения гвардии. Два слова – Ельня и Гвардия – в истории нашей армии неразрывны.

1981 г.

Соловьевская переправа

Днепр – это Украина. Мы к этому так привыкли, что с удивлением стоишь у реки на Смоленщине. Днепр. Он тут неглубок и не очень широк. У села Соловьева четверо ребятишек ловят с надувной лодки плотву. Прошу их измерить веслом глубину на середине, но лодку течение сносит. Ребятишкам проще раздеться и дойти почти до середины.

Спрашиваю: не находят ли что-нибудь тут на дне? Ребятишки не здешние. Приехали в Соловьево гостить из Москвы. Но о находках тут знают и одну готовы мне показать. Нагнувшись с лодки к самой воде, вижу в чистом песке шероховатую спину снаряда. «Он ведь может взорваться...» – «А мы уже в сельсовете сказали. Завтра приедут минеры». Тут каждый год вода вымывает снаряды и бомбы.

Знают ли ребятишки, что было тут, на Днепре, у села Соловьева во время войны? Самый бойкий говорит: «Переправа...»

Да, тут была знаменитая Соловьевская переправа. При двух последних словах те, кто был тут в 41-м, вздрогнут – страшная переправа. Проходила как раз вот тут, где бродом идут ребятишки. Днепр был тогда и шире, и глубже. Возможно, от той поры сохранилась в воде осклизлая расщепленная свая. Взрывные находки в песке и эта свая напоминают о страшном годе. Да еще память людей. Вода же равнодушно течет, как тысячи лет назад, в Черное море. Ходит на берегу лошадь. Старик с хвостом ждет на другом берегу перевоза. Летают ласточки над водой, кричит в лугах коростель.

Соловьевская переправа... Женщина в Москве, участница смоленских боев в 41-м, разрыдалась, не сразу смогла говорить о той переправе.

Память из пережитого постепенно опускает детали, оставляет лишь важные вехи, узловые моменты событий. Вспоминая войну, мы говорим: «Сорок первый», говорим: сражение за Москву, Сталинградская битва, битва за Днепр, Белорусская операция, освобождение Европы, взятие Берлина. Таковы самые крупные вехи. А если взглядеться более пристально, обнаружим героические точки войны помельче, но тоже заметные, ставшие символами в страшной нечеловеческой схватке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.